

ВЛАДИМИР КИПРИЯНОВ

ДВИНСКАЯ ТОПОНИМИКА

Краеведческие рассказы, очерки

Топонимические зарисовки
о названиях сел и городов

(...что надо нам, того не знали мы,
что знали мы, того для нас не надо.)

Архангельск. 1991 г..

Двинская топонимика

Содержание:

	Стр.
1. Какая прелесть! Ах, что за вздор?!	5
2. Почему так, а не иначе?	6
3. Соцветье холмогорских деревень	8
4. От «горы» до «лывы»	9
5. Не Лисица, а Лысица	11
6. Зачачьевский Крюк	13
7. Холмогорские бояре	15
8. От копача до пахты	16
9. Курья Нога или Курьянушка	18
10. Водились ли в Ракуле раки?	22
11. От Мурги до МУРА	25
12. От Варды до Печки	28
13. Вошь задарма	29
14. Хаврогорские Бутырки	31
15. Патриот — это националист	35
16. Холмогорское Побоище	40
17. Хоробрецы!	42
18. Пур-Наволок	43
19. Может ли озеро плавать?	45
20. Вельские топонимы	48
21. Мила и Верхняя Тойма	52
22. Вилегодские Выставки	56
23. Березниковские Кицы	59
24. Каргопольские редошки	62
25. От Конюши до Коняшевской	70
26. Про Котлас и про котлячу	73
27. Няндомские Ины	77
28. Онежские таборы	80
29. Где чудь была (Приморский район)	82
30. Заволоцкая чудь	86
31. Соломбала	90
32. Соломбальское селение	95
33. Послесловие	99

КАКАЯ ПРЕЛЕСТЬ! АХ, ЧТО ЗА ВЗДОР!?

Ну, не все ли равно, как называется река, город или селение?! Назови хоть горшком, только в печь, ради бога, не ставь. Однако же, когда Ивана Петровича называют Петром Ивановичем, названный не по собственному имени-отчеству, апеллирует к чувствам, к достоинству и благородству. Вот вам и все равно. Ежели родитель Петр, то никак не назовешь его Иваном.

Так по какому же праву русскую реку Волгу производят от финского слова «валкъя» и эстонского «валге»?! Казалось бы, более русского слова, чем «волга», и найти невозможно. Влага, волога, воложка — все это исконно русские слова и они — прародители «Волги».

А река «Двина» чем провинилась, что до сих пор не найдут ее отчества, не отыщут затерявшейся в веках и тысячелетиях родословной? Из каких только языков и наречий не пытались производить это прелестнейшее имя! С польского, с латышского, с финского, конечно же, с англо-сакского и голландского, с древне-исландского и древне-индийского, с греческого и готского, а «Двина» до сих пор остается исконно русским словом и никаким экспансиям оно не подвластно. Испробовав все возможные варианты, мудрецы минувших веков попытались объяснить это слово и с русского захода:

— Откуда начинается Двина? От слияния двух рек Сухоны и Юга! Стало быть, река, образованная из двух других рек. Что из этого следует? А то, что спервоначалу река называлась Двойной, а с утерей одного гласного звука стала Двиной. Вот и весь сказ!

Хоть и весь, да не в нашу честь.

Кроме Северной Двины есть еще и Западная. А, как мы знаем, имена рождаются по общей закономерности. Но что-то не находим у Западной Двины аналогии с Северной в ее образовании из слияния двух рек. Но кроме Западной Двины есть и еще реки с таким же точно названием: Двина — приток Десны; Двиноса — приток Вилии...

Слово «двигать» тоже не подходит к родословной Двины. Вот вам и весь сказ!.. Невелика задумка, да многих трудов стоит. Вот он, «о, великий, могучий, правдивый и свободный

русский язык!». В одном слове способна отразиться такая несокрушимая сила, что не только на колени упасть перед этим величием надобно, но мало и раствориться в красоте и благородстве русских созвучий. Только великий народ мог создать такое неисчерпаемое богатство родного наречия.

Возьмите перечень северных наших рек и вдумайтесь в каждое слово, прислушайтесь к сочетаниям звуков, и вы ощутите непередаваемую прелесть родного русского языка: Онега, Нименьга, Пинега, Ваймуга, Пукшеньга, Паленьга, Шиленьга, Мехреньга, Шенъга, Подюга, Ерманьга, Вага!

А ведь великая русская река Волга тоже с окончанием на «га»! Богатство северных имен столь же велико, сколь и на всем пространстве необъятной России. С каким бы окончанием не взяли названия рек, всюду оказываются и наши северные реки.

На «г» — Выг, Юг;

На «ма» — Кодима, Калажма, Вохтома, Тойма, Коряжма, Шожма, Кама (в Шенкурском районе);

На «ва» — Нива, Лава, Усьва, Койва, Сава, Россова;

На «жа» — Кожва, Унжа, Вожа.

И так далее.

Рассказывают, что в Шенкурском уезде была речка Чудеса.

— Что за чудеса?!

— Обыкновенно! — объясняли местные жители. — Сказывают, чудь в этих местах жила, вот и прозвали реку Чудеса.

Сколько неожиданной прелести в русских названиях!

Наустовский говорил: «Для всего, что существует в природе — воды, воздуха, неба, облаков, солнца, дождей, лесов, болот, рек и озер, лугов и полей, цветов и трав, — в русском языке есть великое множество хороших слов и названий».

Так как же не попробовать утолить жажду познания!

ПОЧЕМУ ТАК, А НЕ ИНАЧЕ?

Готхольд Лессинг был выдающимся немецким драматургом, теоретиком искусства: он — основоположник немецкой классической литературы. Более двух столетий назад он сказал: «Мне представляется странным уже то, что нам известны не только вещи, а и имена этих вещей. Тем не менее, я хочу

большего: не просто понимать смысл слов, по еще знать, почему они звучат так, а не иначе...».

Происхождение многих слов во всех языках и наречиях является до сих пор неразгаданной тайной. Смотришь на эти слова, перебираешь мысленно, составляешь из них длинные фразы и никогда не подумаешь, что в какой-нибудь примитивной кнопке таится увлекательнейшая биография слова, целая родословная, история с происхождением имени этого предмета.

Так почему же канцелярская кнопка называется кнопкой? Оказывается, слово это вовсе и не русского происхождения, а заимствовано из немецкого или голландского языков в начале XIX века. Когда-то оно употреблялось со значением «железный или медный гвоздь с большой, красиво отделанной шляпкою, вколачивается в экипажах и других местах для застегивания петлей».

Предметы предметами. А как не вдуматься в названия наших селений! Мы все — единая Россия. Но Беломорский Север есть родина М. В. Ломоносова. А Ломоносов, как заявлял В. Г. Белинский, был Петр Великий русской литературы.

Н. М. Карамзин: «Ломоносов был первым образователем нашего языка, первый открыл в нем изящность, силу и гармонию».

В. Г. Белинский: «Ломоносов был первым основателем русской поэзии и первым поэтом Руси».

Н. В. Гоголь: «Ломоносов стоит впереди наших поэтов, как вступление впереди книги. Его поэзия — начинающийся рассвет».

Н. А. Добролюбов: «Ломоносов много сделал для успехов в России: он положил основание русскому естествоведению, он первый составил довольно стройную систему науки о языке».

А. С. Будилович: «Ломоносов пришел в жизнь русского народа великим сеятелем, дал ему историю его страны, грамматику его языка и теорию речи...».

В. И. Ламанский: «Пройдут века, а имя его с почтением будет произноситься уже не десятками, а сотнями тысяч, миллионами русских людей и уважаться не в одной России, а везде, куда ни проникнет русская речь, русская грамота».

Но если все это и многое другое — о Ломоносове, то что же сделало Ломоносова Ломоносовым? Не кроется ли в этом

тайна силы природного дарования? И ведь не где-нибудь, а именно на Беломорском Севере произошел Ломоносов! Знать, велика скрытая от постороннего глаза природная мощь земли, что смогла вдохновить на столы бескрайние деяния своего сына! И какова же была неутолимая жажда к наукам!

Сам М. В. Ломоносов: «Наука есть ясное познание истины, просвещение разума, непорочное увеселение жизни, похвала юности, старости подпора, строительница городов, полков крепость, утеша в несчастьи, в счастии украшение, везде верный и безотлучный спутник».

Так пусть же станет нашим безотлучным спутником стремление к разгадке тайн родной речи, к познанию истины, и почему так, а не иначе звучат русские, северные имена.

СОЦВЕТЬЕ ХОЛМОГОРСКИХ ИМЕН

Деревня Мишанинская, где родился М. В. Ломоносов, расположена была на склоне Палишиной Горы, почти в центре ее. А почему гора называется Палишина?

С одноименным корнем в Холмогорском районе есть и другие названия — Паленьга, Палово, а вообще в Архангельской области — Пал, Палощелье, Палуга, Палыгинская, Палова, Палкино. Кстати, поселок Палово, часто произносят с «исправлениями», как Павлово. Но ошибки в этом слове нет. Название поселка произошло не от имени «Павел», а от слова «пал», «паленый», то есть горевший, опаленный.

Происхождение имени «Паленьга», конечно же, нельзя отождествлять с «Паловым». Но есть очень родственное слово «палья» — рыба из рода лососей, близкая к форели, пеструшке, как объясняет словарь В. Даля. Имя «Паленьга» распространенное. Только в Архангельской области три Паленьги, две из них в Холмогорском районе, на территории Белогорского сельсовета; третья Паленьга в Верхнетоемском районе.

Объяснение рождает новый интерес, новые вопросы. А почему именно Белогорский? Значит, где-то поблизости есть Белая гора.

Селений с названием Белая Гора в Холмогорском районе два — одно в Емецком, другое в Холмогорском сельсоветах. В Емецком есть Белая и Малая Горы, в Зачачьевском сельсовете — Верхняя Горка, Нижняя Горка, Горка Рудков-

ская; в Кехотском — Красная Горка; в Ломоносовском — Оснна Гора; в Матигорском — Винная Горка; там же еще три просто Горки; в Ракульском—Верхняя и Нижняя Горы; в Селецком сельсовете Чуроз-Гора и еще две просто Горки; в Ухтостровском — Горка Кузнецевская и еще Горка; в Хаврогорском — две Горки и еще Подгор. Кстати, Подгор есть еще и в Емецком сельсовете, а в Ломоносовском и в Матигорском — по Подгорью.

Всего в Холмогорском районе около четырехсот тридцати сел, поселков и деревень. А было до революции около пяти сот. Вот и выходит, что за 70 лет правления большевизма без огня сгорели 70 деревень.

ОТ «ГОРЫ» ДО «ЛЫВЫ»

Слово «гора» в холмогорском наречии надо понимать в буквальном смысле, то есть «возвышение». И Белая Гора, и Большая Гора в Емецком сельсовете — это поселения на возвышенных местах, а вот Подгор действительно расположен «под горой», то есть на склоне и в низине, у деревни Мыза, расположенной, опять же, на возвышенности. Но почему — Мыза? Не Мыс, не Муза, а именно Мыза!. Мыза, если заглянуть в словарь Фасмера, это в переводе с эстонского «двор, имение». Слово это внедрилось в русский язык с петровских времен. А почему бы и не назвать какому-то состоятельному хозяину свои постройки мызой?!. А если так, то вовсе не следует для объяснений извлекать слово «мызгать», «замызганный».

Автор словаря «Областной крестьянский говор» священник А. Грандилевский объясняет многие слова северного наречия, названия рек, озер, холмов и, естественно, селений заимствованиями из чудского языка. Даже название села Холмогоры он объясняет в переводе с чудского. Грандилевский не одинок в подобных толкованиях. Но с этим непросто согласиться. Чудские и угро-финские племена на территории нашего Беломорского края и тем более Холмогорского района жили в первом тысячелетии. Конечно же, их наречие, их язык не могли исчезнуть бесследно, а были частично заимствованы поселившимися здесь новгородцами. Новгородцы, например, могли назвать поселение «Чухчеремой» потому, что там жили «чухчи немы». Но зачем новгородцам было извлекать из прошлого незнакомые слова для названия вновь по-

явившихся, своих поселений?! При всем при этом, слово «гора» и на новгородчине обозначает то же самое, что и в Подвиде. И «холмы» — что новгородский, что холмогорский — родные братья.

Впрочем, у всякого историка есть право на свои умозаключения, на свой взгляд на вещи и события.

По поводу присутствия «некоего чуждаго языка» в названиях холмогорских селений высказывал определенное мнение и авторитетный историк В. В. Крестинин. «К доказательству сего, — писал он, — служит, во-первых, собственные имена Двинских волостей и деревень следущия: Ныкола, Челмохта, Пингешма, Товра, Вавчуга, Кур-остров, Ухт-остров, Чухченема, Кег-остров, Тойватово, Тойнокурья, Солонбала, Чубала, Мудьюга; во-вторых, собственные имена рек, текущих в Двину: Емца, Ваймуга, Сия, Паленьга, Пинега, Уйма, Кунчукурья, Юрас, Маймакса. Ильма; в-третьих, имена некоторых двинских уроцищ: Пур-наволок, Валдушки, Иячеры и прочая».

Но как бы там ни было, а ни у Грандилевского, ни у Крестинина, ни у других авторов подобного склада мнения, не сказано, почему именно так, а не иначе. Все они рассуждают по единой схеме: если не поддается объяснению, то значит только потому, что оно «чуждаго языка». Вот и весь разговор! Это, скорей, не смелость мысли, а ее бессилие.

Скажем, если Ваймуга «чуждаго» происхождения, то какого же происхождения Варда? Конечно же, «не славенарусского»! А словарь древнерусского языка прямо указывает, что «вар» — это жар, зной; и «вар» — это смола. А в этих местах, почти по всей Двине в старину усиленно занимались производством смолы: жгли сосновые чурки, на берегах и поблизости пылали жаркие кострищи. Вот вам и объяснение Варде. А Ваймуга, скорее всего, от слова «ваймовать», то есть понимать, либо от трудного в произношении древнего слова «ваилю», что означает вербные ветви. А если ветвей вербы было много, то разгадать загадку слова еще проще. Конечно же, теперь нельзя утверждать, что это было именно так, а не иначе. А все же велико желание объяснить русское русскими же словами.

Заполье — одно из самых распространенных названий лесов — оно встречается на карте пашей области пятнадцать раз, и четырнадцать раз встречается название Бор. В нашей области девятнадцать Березников, двенадцать Алексе-

евских, девять Андреевых, пять анциферовских, шесть Барановских, семь Бережных, четырнадцать Васильевских, тринадцать Гор, девятнадцать Горок, много Григорьевских, Даниловских, Захаровских, Ивановских, Исаковских, Карновских, Климовских, Кондратьевских, и так далее и тому подобное. На каждое сколько-нибудь распространенное имя — полдюжины наименований сел и деревень. Это понятно. Если первый дом в деревне выстроил Захар или Наум, если они первыми обжили эту землю, то и деревня обретет имя Захаровской или Наумовской.

Многие слова давно утратили первоначальное свое значение, подтверждением чему служит современная канцелярская кнопка. Потому-то и кажутся нам эти слова чуждыми, загадочными, инородными.

Взять, к примеру, фамилию Павозков. Ну, у кого возникнет охота сомневаться насчет того, что она произошла от слова «возок» или от слова «возить!.. То есть Павозков сын, отдаленный потомок того, кто что-то и как-то возил. Но это не совсем так. Паузок — легкая лодка, которая была непременным спутником новгородцев во время их продвижения по рекам Севера. «Паузков» со временем превратился в «Павозкова» всего лишь для удобства произношения.

Тот же самый взгляд может быть и на деревню Залыва Ломоносовского сельсовета. Залыва?! Странно. А «лыва» на холмогорском наречии — это лужа, болотина. То есть, деревня за лывой, за болотиной. «Лыва» в значении «болотина» давно вышла из употребления. При таком отношении к национальному достоянию, какое мы наблюдали на протяжении трех четвертей двадцатого столетия, не мудрено, что не только народных говоров не стало, а и болота перевелись. Теперь зайдешь в архангельский лес — тишина: ни птица не прокричит, ни лягушка не квакнет: только и живности осталось, что комары. Хорошо, что большевиков вовремя турнули, а то бы и комаров не осталось. Ходи бы себе как в пустыне, и читай всюду лозунги о светлом будущем...

НЕ ЛИСИЦА, А ЛЫСИЦА

Больше всего неожиданных названий в Емецком сельсовете. Начнем в алфавитном порядке. Аксеновы, Болото, Бросачиха, Великий Двор, Высокое, Горопчарово... Аксеновы — это именное. Болото — говорит само за себя. А вот Великий

Двор!.. Емецк стоял на большом торговом пути и почтовом тракте в Москву. А где тракт, там и постоянные дворы. Несомненно, что Великий Двор потому и назван Великим, что был самым большим на определенном участке пути, скажем, от Холмогор до Емецка.

А Горончарово? Может быть, как раз здесь обосновались лучшие гончары этого края? От Емецка деревня всего в трех километрах, почти под самым боком: грузы на воз готовые горшки и отправляйся па торжище в Емецкий город хоть в четверг, хоть в воскресенье.

Но, как видим, не только горшки обжигали емецкие мастера. О чём говорят такие названия, как Клубочиха, Кожгора, Кузнецово? Несомненно, о принадлежности проживавшего здесь населения к разным ремеслам.

Но можно ли встретить еще где-нибудь, кроме емецкой стороны, такие диковинки в названиях деревень, как Залебедка, Золотка, Кулига, Кязьмеш, Лысица, Инфериха, Офролиха, Подсосанье, Старые Хвосты?.. Оказывается, можно. В Архангельской области одиннадцать Кулиг: в Вельском, Верхнетоемском, Вилегодском, Виноградовском, Котласском, Красноборском, Ленском районах по одной и две Кулиги, а в Холмогорском—три.

Кулига — дело ясное. Кулига — это небольшая лесная поляна, пожня, пространство, свободное от леса. Но что может обозначать мелодичное «Залебедка»? Ведь никак не скажешь, что это чуждое, инородное что-то. Это же свое кровное! Чисто русское, родственное «лебедю», а что именно — загадка. Заручевье — это то, что за ручьем; Заполье — за полем; Залесье — за лесом; Зaborье — за лесным бором; Зачачье — за рекой Чачей, — все можно объяснить с первого взгляда, но только не залебедку.

Зачачье в стародавние времена называлось Зачатьем, Зачатьевской. Здесь можно предположить, что деревня находилась за храмом Зачатия Бого诞одицы. В старом перечне рек, впадающих в Емцу, названия Чача нет, — или она пропущена, или называлась по-иному.

Но как разгадать Залебедку? Корень какого слова лег в основу этого имени: лебеди или лебеды, — прекрасной птицы или назойливого сорняка? В обращении к мужчине бытовало в старину ласкательное слово «лебедок, лебедочек»; лебедянкой называли чистое белое хлебное вино; лебядчиком называли охотника за лебедями... Все это лишь предположе-

ния. И все ж прекрасно звучит русское имя! И, быть может, это очень хорошо, что не все поддается разгадке.

В Емецке и в Зачачье есть по Красному Яру. Словарь Ожегова объясняет слово «яр», как крутой обрыв, овраг, а в словаре Грандилевского «яр» — это «самое бурное течение в реке, водоворот, пучина с быстро текущей водою; краска-медянка». Одно слово в трех значениях и ни одного родственного современному. Красный — не обязательно по цвету; красный может быть и просто красивым.

Ну, а что может означать название емецкой деревни Короли? То ли здесь жили Королевы, либо люди с прозвищами «короли»?! В словаре Грандилевского есть слово «королек», которое толкуется как «красавец, молодчик». Вполне возможно, что в деревне был непременный обычай красиво, со вкусом одеваться, наводить внешний лоск, выпячиваться своей красотой, что, естественно, всегда вызывало и вызывает зависть, недобрую реакцию недоброхотов. И вот соседи, жители окружающих деревень, окрестили «модников» королями.

А Лысица? Ведь не Лисица, а — Лысица!.. Лысина — было бы понятно,—голое, лысое место. А над Лысицей не один час и не два поломаешь голову. И ведь наверняка это название дано не с бухты-бахромы, а точно по всем признакам и оценкам исторического факта.

ЗАЧАЧЬЕВСКИЙ КРЮК

В холмогорской районной газете однажды было опубликовано стихотворение местной поэтессы, в котором автор называние деревни Офролиха раскрывала, как составные слова «Фрол» и «лихой». В увязке патриотических взглядов в стихотворении рассказывалось, как о Фроле Лихого разбилась шайка грабителей из армии Лжедмитрия. Внутренне я не мог согласиться с такой точкой зрения, но смелость автора покоряла. Да и что, собственно, мешает человеку посмотреть на вещи именно так, какими он и как их он увидел! Это надо приветствовать, что человек гордится звучностью своего языка и пытается заглянуть в тайну слова.

У меня на Офролиху свой взгляд. Жену Макара в народе называют Макарихой, жену Романа — Романихой, жену Фрола — Фролихой, Офролихой. Я не пытаюсь выстраивать науч-

ные гипотезы. Автор стихов тоже, вероятно, не претендовала на бесспорность своих взглядов.

Офролиха находится в двух километрах от Емецка. Ровно на столько же удалена от центра сельсовета Нифериха. Такого имени в русских справочниках имен я не встречал. Есть имя Нифонт и производное от него Нифа, Фоня. Есть также старые имена Фирмос, Фирмин, Фирс и производные от них Фира, Фирсаня. Если в произвольном склонении одного из этих имен было возможным производное Ниферия, как у Некрасова, Савося из Севастьяна, то название деревни Нифериха вполне объяснимо. Один Ниферия жил в деревне или два — это уже без разницы, важно, чтобы он чем-либо выделялся от всех других людей чем-то броским, запоминающимся или призывающим человеческое достоинство.

Стонт обратить внимание на другие названия емецких деревень: Сухарево, Такшеево, Узиково и — Чупровщина!..

Сухарево может и не иметь отношения к фамилии поселенцев. Может быть, там что-то сушили, брали на сушку зерно от населения других деревень, торговали сухарями. Но Такшеево и Узиково — это уж почти наверняка связано с фамилиями населявших деревню жителей.

Нередки такие случаи и в наше время, когда в многолюдной деревне значится всего две—три фамилии. Так ведь здесь просто Такшеево и просто Узиково. А Чупровщина — с вызовом, с подчеркнутой значимостью, как чертовщина, оттенком пренебрежения к этой деревне. Вот что обидно. Знать, не во всем ладила эта деревня с окружающими ее деревнями.

В Зачачьевском сельсовете есть названия деревень, напоминающие о монашестве, об уходе от мирской жизни: Величи, Кельи, Часовня. Келья — жилище монаха или монахини при монастыре. По ближайший от Зачачья монастырь был в Сии. Обращаюсь за помощью к словарю Грандилевского и узнаю, что примерно на той же территории, где сегодня располагается Емецк, еще до его возникновения существовали два монастыря. А Емецк возник, когда обители уже сгорели.

Там же, в Зачачьевской стороне, три Горки, три Зaborья, два Заполья, два Погоста и один Крюк. Вот вам и крюк в русской топонимике. Зачем по соседству столько одногодичных названий? Может быть, из упрямства каждый строил свое Зaborье? Или назвать по-другому было не как? Скорей всего, дело было так: не было никаких особых примет у деревни, жили в ней обычные простые люди, никакими обычаями и ремеслами не выделялись от всех остальных людей. Как на-

зовешь такую деревню, которая стоит за полем? Заполье, да и все тут.

В Койдокурском сельсовете поэтому две Дурасовские для отличия друг от друга называются одна Первая, а другая Вторая. Там же две Затонляевских: Ново- и Старо-Затопляевская; две Лындовские: Куст-Лындовская и Усть-Лындовская. Там же: Хомяковская и Чухарево! Известно, что хомяки у нас на Севере не водятся и не водились. Значит, люди, жившие в этой деревне, чем-то напоминали хомяков? А может быть, первоначально деревня и называлась по-другому? Ну, скажем, Комяковской!.. Ведь стали же Колмогоры Холмогорами! Но и такой подход не может быть бесспорным.

Нельзя отрицать, что первоначально деревня называлась не Хомяковская, а Хамяковская. В старину лакеев называли бранным словом «хамово отродье». А вдруг именно в этой деревне было много способных на услужение людей, предприимчивых, деликатных в обращении, умеющих начать свое дело и заниматься коммерцией! Ну, а если не Хомяковская, а Комяковская? В таком случае объяснений масса. Словарь В. Даля приводит впечатительную статью по поводу объяснений слова «ком». Комкать, комушить, комшить — обозначает мять, уминать, заминать, есть. Комша — драчун; комыга — скряга, скупец; комуха — трясучка, трасяя, лихорадка, гнетучка, тетка; комяга — топорно выдолбленное корытом бревно, чели, долбуша, лодка; комыга — полубарка, струг, буса.

По поводу названия деревни Чухарево, паверлое, уже не мало сказано: чухаться, чухчи немы, чухарп — глухари, чушка — свинья, свинка, рюха; чухия — бестолковый человек; чухонец — прозвище пригородных финнов; чухать — побуждать коня окриком. По Фасмеру «чуха» — это кафтан, верхняя одежда, а «чухать» — чуять, нюхать.

В Архангельской области названий населенных пунктов с этим корнем около десятка: Чухары, Чухча, Чушела и т. д. Вот и почухай, чем тут пахнет!

ХОЛМОГОРСКИЕ БОЯРЕ

Немало приметных названий в Ломоносовском сельсовете, на Курострове, на родине М. В. Ломоносова. Есть там Большое Залесье и Малое Залесье, Макарово и Марково, Тауярово и Разлог, Подсосны и Подгорье, Почапы и Митревщи-

на,—всего тридцать пять деревень в сельсовете, но самая примечательная в этимологическом плане это Боярская.

Неужто бояре на Курострове обосновали себе гнездо?! Ведь бояр-то на Севере и слыхом не слыхивали! А разгадка и не требует особых усилий. Дело все в том, что на службе у Архиерейского дома в Холмогорах для выполнения разных поручений состояли—содержались так называемые «дети боярские», которые ездили с поручениями в Москву, были посыльными, собирали дани с вотчинных земель, способствовали развитию промыслов и даже выступали в роли полицейских. «Дети боярские» вовсе не были людьми знатного происхождения, набирались они из посадского населения, из крестьян и других холмогорских жителей. «Дети боярские» были людьми проворными, умелыми, владели многими ремеслами; были среди них закройщики, швецы, живописцы (персоники), переписчики книг. Все они пользовались привилегиями. Вероятно, они образовали особое поселение или происходили преимущественно из одной какой-то деревни, которая затем стала называться Боярской..

Многие куростровские деревни прекратили свое существование, в том числе и Кречётинская, где жили кречаты по-мытчики, которые добывали для царских забав живых кречетов, содержали до отправки в Москву за счет местной казны и отправляли на царский двор в специально оборудованных возках, чтобы ни одной птице не причинить изъяна. Кречетники тоже пользовались особыми полномочиями, как исполнители царского заказа. Немало притеснений терпели от них местные жители и особенно в местах, куда выезжали по-мытчики на охоту, для отлова кречетов.

ОТ КОПАЧА ДО ПАХТЫ

В Капачевском сельском совете всего двадцать пять деревень и большинство из названий не вызывают затруднений в расшифровке. Власьевское, Вороновское, Демидово, Заручевые, Наденха. Вроде бы все имение или привязанное к особенностям расположения на местности. Но вот почему три Нижних деревни: Большое Нижнее, Малое Нижнее, Карьеры Нижние?

Загадочно звучат названия деревень Голдобиха, Ичково, Пухтаковка. Попробуй разобраться, отголоски ли здесь наречий чудских племен или сложности словообразований, при-

внесенных новгородцами и москвичами? Хотя в Пухтаковке есть знакомые отголоски от «пахты» — отработки при выпаривании или сбивании коровьего масла; от «кухтаться» — —прятаться в одежду от холода. А пухтарь по-вятски—это лекарь. Голдобиха же первоначально могла быть и не Голдобихой, а Колодобихой или Голодобихой. Но ближе всего к разгадке «голдобина» — рытвина, ямина, зажора в распутьи. Что прежде было — «колдобина» или «голдобина», теперь трудно говорить, точно так же, как «Колмогоры» или «Холмогоры», и что правильнее в историческом плане. Называют же сегодня Чухченему Чухческой, Зачатье Зачачьем, Половецким Полоцком, Астраханью!..

Не поддается разгадке названия копачевских деревень Ичково и Канзово. А что обозначает само название «Копачево»? По словарю Подвысоцкого копач — металлическая лопата, заступ.

В «Ичкове» к «ичигам» трудно подступиться, хотя в Сибири бахилы называются ичигами. А бахилы — распространенная поморская обувь.

С Канзовом посложнее. Если следовать приемам норманистов, которые сначала разбирают слово на составные части, затем выискивают сходные звучания в других языках, ловко подменяют сочетания одних знаков и звуков другими и в таком перевернутом виде слово, только что бывшее русским, переводят с индийского, китайского, японского и еще бог знает какого языка, конечно же, не забывая в первую голову поставить немецкое и скандинавское произношение. Так вот, ежели сыграть в ихнюю карту, то «Канзово» будет вовсе не Канзовым, а Ханжевым, Кандовым, Кондовым и еще бог знает каким. В такую игру даже и кровно русским стало забавно играть. Поиграют и стучат в свою могучую грудь: мы — интернационалисты! Интернационализм надо приветствовать, но только не в ущерб своему кровному. Пусть у немцев будет хорошо, но и у русских не хуже.

С трудом поддаются разгадке и копачевские названия деревень Пятково и Надеиха, хотя родственные слова «пять», «пяток», «пята», «пятка» наводят на какие-то размышления. А в словаре Грандилевского есть слово «надейно», что означает благонадежно, прочно, устойчиво, честно. У В. Даля есть слово «наденна», что обозначает земляного червя, наживку на удочку.

Мариэтта Шагинян однажды сказала: «Работа со словом всегда литература, в каком бы жанре ни велась, — и всег-

да искусство». Искусство—вещь не простая. Под искусством надо понимать стремление делать язык простым и понятным для всех людей. А «...совершенно простым и понятным языком ничего дурного нельзя будет написать», — утверждает Л. Н. Толстой. Он же заявил, что «если бы я был царь, я бы издал закон, что писатель, который употребит слово, значения которого он не может объяснить, лишается прав писать и получает 100 ударов розог». Конечно же, слишком жестоко. Но разве не менее жестоко наплевательски относиться к богатствам родного великорусского языка и без всякой надобности засорять его различными «консенсусами» и «плюрализмами»? Только наемник, наймит, защищающий чужие интересы, может говорить на таком тарабарском языке.

В каждом слове родного языка, для патриота своей земли и созданной веками культуры, столько созвучий, красок и оттенков, что, порой, не знаешь, с какой стороны все это и рассматривать.

КУРЬЯ НОГА ИЛИ КУРЬЯНУШКА?

На территории Матигорского сельского совета больше тридцати деревень. Многие деревни прекратили свое существование благодаря мудрой политике большевиков. Многие большевики, способствовавшие разграблению и растерзанию «неперспективных» деревень, живут и блаженствуют и сегодня в благоустроенных городских квартирах, получая персональные пенсии. Они живут, а деревень нет.

Деревня Березы находится на границе с Устьпижским сельсоветом на высоком берегу Двины, но берез вокруг никаких нет, если не считать в самой деревне полдесятка берез под окнами домов. А ведь неспроста деревню без берез называли Березы. Видать, вырубили все непутевые колхозные председатели на топорища да оглобли за эти семьдесят лет окаянной власти.

Но уж, ей-ей, не такими безголовыми были основатели этой деревни, чтобы, не видя поблизости берез, поименовать деревню Березами. Даже и сегодня только глянешь на эту славную горушку, на которую взгромоздилась деревенька, так и слышится сердцу трепет березовых крон и яркое сияние белоствольного окружения. Но прошли добрые времена, стало забываться русское достоинство, и пошла колхозная политика подминать под себя русскую красоту. Выломали

русские березоньки на веники, высекли топорами на березовые дрова, содрали на лапти бересту. Теперь ни лаптей, ни берез. После перестройки политики впору бы вернуться к лапотному ремеслу, да уж и материал-то стало дратъ не с чего и не с кого,—кругом шаром покати. Долго не забудет русский народ большевистские прелести.

Деревня Буты в трех километрах от центра Матигорского сельсовета. Если искать родственные слова в русском языке, то все объясняется очень просто: где-то рядом с деревенькой добывался бутовый камень, либо в деревне что-то бутили этим строительным камнем. Но вполне возможно, что на местном наречии «бутить» означало что-то совсем иное, например, то же, что по-вологодски «бухтить», «бухтина»

На Матигорщине три горки и одна из них Винная. Кроме того, есть еще просто Гора. Слово «Гора» на территории всего Холмогорского района местными жителями произносится с ударением на первом слоге — «Гора!»

Ударение — дело десятое. Но отчего же одна из Горок прозвана Винной? Винная Горка! На что иное можно подумать, кроме того, что здесь в свое время была винная торговля!.. Так оно и было.

— Где у вас тут вином торгуют?

— На Горке!

— Да у вас горок-то — пальцев загибать не хватит!

— А ты, мил человек, на все не ходи. Иди, знай, на Винную.

Вот и стали, видно, с тех пор эту Горку, на которой процветал винный откуп, обзывать Винной.

...И опять Заозерье, Заполье и Заречка, как и в других многих местностях. Да и пусть ему, благо, что это мы уже проходили. А вот Копытово и Курья Нога конкуренции в других сельсоветах не встречают, они — единственные в своем роде на территории всей Архангельской губернии. Копытово еще туда-сюда. Но — Курья Нога!.. Попробуйте спросить:

— Куда путь держишь?

— В Курью Ногу.

— Откуда, дружище?

— Из Курьей Ноги.

Разговорился как-то я с женщинами из этой деревеньки с замысловатым названием:

— Вот, скажем, я холмогорский мужик. А вас как прикажете звать-величать, с обозначением вашего селения?

— А мы — куричихинские женки!

— Но это же, бабоньки, не по русской грамматике получается. Ежели уж вы из Курьей Ноги, то вы — курьеножинские!

— Эк ты, брат, загнул!..

Теперь не просто гадать, кто загнул, а кто разогнул. Только сдается мне, что собака зарыта вот где. Была тут не Курья нога, а Курьянушка. Ласкательное от слова «курья, курейка». Речную протоку со временем забросало песком, и стало непонятно, отчего же такое название у деревни. И втемяшилось сельскому грамотею или уездному канцеляристу, что в названии не все чисто. Что за Курьянушка?! Причем тут Курья, когда Курьи никакой нет!.. И превратилась в един час Курьянушка в Курью Ногу... Написал же один современный грамотей вместо «отдел кадров» «отделка дров»!

Да простит мне читатель столь вольные рассуждения. Я не призываю к ликвидации непонятного мне названия. Курья Нога, так Курья Нога! Правится жителям название — пусть будет так, это их святое право. Нусть и непонятно, да было бы приятно и радостно от родных мест, от кровных имен.

В Матигорском же сельском совете есть деревня Мариолово. И стоит она на самом берегу Северной Двины. Словарь Ожегова истолковывает слово «Марево» как мираж, прозрачное видение, непрозрачность воздуха. Словарь Грандилевского рисует совершенно противоположную картину: марево — яркий отблеск испарений от земли в летний зной; ярко пылающий закат солнца; просто зарево. Кто видел Мариловские закаты с высокого берега Двины, на котором расположена деревня, тот не будет возражать, что такое толкование, быть может, самое верное.

Всего в Матигорском сельсовете тридцать одна деревня. Копытово, Кутозерская, Кушево, Малая Товра... Есть над чем поразмыслить. Нет сомнений, что Копытово имело отношение к копытным животным, как и Кутозеро к куту, глухой заводи, заливу, закоулку. Для объяснения названия Кушево сгодился бы и «куш» в значении большой суммы денег, большого выигрыша, но очень уж все просто выглядело бы в таком случае. Слово «куш» в архангельском наречии имеет еще и другое значение — совик, куклянка, малица, а также охотничья команда собаке сидеть, лежать, молчать.

Другие деревни — Надручей, Повинки, Одиночка, Ногост. Подгорье, Собиню, Среднее — носят самые обыкновенные и рядовые холмогорские имена. Надручей — над ручьем; Но-

випки — новая деревня; Одиночка — одиноко стоящая; Погост — рядом с кладбищем, с церковью или вообще сельский приход; Подгорье — под горой; Собипо — либо поселение Собиних, Собининых, либо вообще богатая деревня, поскольку словом «собы» в старину обозначалось имущество, достаток, богатство.

А Хетка? Ведь не Хатка, а именно Хетка! Вот и почесывай затылок, что к чему приспособить. Благо, сохранились старые словари. Ежели применительно к тамбовскому говору, то «хетать» обозначает обиживать, обдевывать. Слово это родственное, как сказано у В. Даля, словам «ухичивать», «ухичать», «ухитить», то есть уготовить избу к зиме, уконо-патить мохом, обвалить кругом навозом, землей, защитить от стужи.

Ну, а как с деревней Фабрики? И такая есть на матигорской земле. Фабрика в современном представлении — это крупное промышленное предприятие легкой и пищевой промышленности с применением сложных машин. Даже сегодня трудно говорить о возможности возникновения фабрик в Холмогорском районе, а деревня Фабрики появилась так давно, что никто ни вспомнить не может, ни следов отыскать в архивах. Помогла мне в этом вопросе заведующая школьным музеем Холмогорской средней школы Антонина Григорьевна Гашева. Хотя она и просила меня ничего не писать о ней, дабы не привлекать к своей личности внимания на старости лет, да ведь как без этого обойдешься, ежели ключ к разгадке имени «Фабрики» подала мне она, весьма интересный и даже приятный в общении человек и даже Заслуженная учительница школы РСФСР. Так вот, Антонина Григорьевна несколько раз хаживала с экскурсией музейных активистов в те матигорские края. Они даже там что-то пытались открыть, произвести какие-то раскопки, и принесли в музей свидетельства гончарного и кузнечного производств.

Но если обратиться к древней классификации, то фабриками в старину назывались рабочие заведения, заводы, где применение высоких температур — плавка, варка — не занимает ведущего места в производстве. Но это по общей терминологии. А местные жители не очень-то согласовывали свои действия с научными воззрениями. Местный предприниматель был волен назвать кирпичный завод с кузнечной мастерской и еще каким-нибудь побочным производством ФАБРИКОЙ. Звучит? Да. К тому же, в гончарном и кирпичном производствах один и тот же материал, сырье — глина.

Теперь уже от той Фабрики осталось шин да маленько, как говорят в народе, — то ли один, то ли два доживающих свой век деревенских дома. А сколь живописным выглядит выбранное для деревни место! Рядом лес, под боком пространное озеро, и — луга! Все под рукой: строительный материал, покосы и пастбища, рыбная ловля, охотничья угодья, зверь и птица, водные артерии для сообщения летом и зимой; летом — по воде, зимой — по льду!

Местные матигорские жители охотно рассказывают, что когда-то, в очень давние времена, в районе теперешней матигорской церкви добывали глину и делали знатный кирпич. Должно быть, и Воскресенская церковь построена из местного кирпича. Вообще-то и представить трудно, чтобы в те времена, в условиях бездорожья, можно было перевезти издалека столько кирпича для строительства столь внушительной церкви. Самым простым решением этого вопроса могла быть организация производства кирпича на месте. На строительстве церкви были заняты тысячи крестьян со всего уезда. Кирпича требовалось великое множество, значит, для обжига его требовалась не одна печь, а несколько. Каждое такое производство могло с успехом называться фабрикой. Ну, а то, что деревня «Фабрики» находится на значительном удалении от церкви, — это тема для другого исследования и разговора.

ВОДИЛИСЬ ЛИ В РАКУЛЕ РАКИ?

В Ракульском сельсовете Холмогорского района всего двадцать семь деревень. Здесь, как и в Емецком сельсовете, есть деревня с очень знакомым названием — Великий Двор, — об этом уже говорилось ранее. От Ракулы Великий Двор всего в четырех километрах и примерно на половине пути от Холмогор к Емецку. Асфальтированная дорога Архангельск—Вологда — Москва начала строиться в конце шестидесятых, а в Емец она пришла в начале семидесятых. До этого, чтобы преодолеть расстояние в сотню километров, требовалось затратить времени от пяти часов до половины суток, смотря на каком транспорте добираться, — автомашине или пароходе. На автомашине при наличии хорошей погоды можно было добраться до Емецка за каких-нибудь четыре часа, а в осеннюю слякоть — только с остановкой на обед в Зеленом Городке или Брин-Наволоке. Это летом. А в пору зимних мете-

лай набедуешься в дороге столько, что будешь славить всех святых, если вернешься домой не обмороженным. В автобус, какие теперь используются разве что для перевозки рабочих внутри предприятий, которые имели двадцать пять посадочных мест, набивалось до шестидесяти душ вместе с багажом, так, что котомки и шалгачи запихивали чуть не на голову шоферу, и сидел он, бедолага, скрючившись, моля пассажиров только не держаться за рычаг переключения передач и не хвататься за него самого, когда автобус шарахало из стороны в сторону на дорожных ухабах. Всякий ждал возможности хоть полчасика передохнуть от этой дикой давки, обогреться в лютые морозы. Но где найдешь помещение для обогрева такого количества народа! И все с нетерпением ждали прибытия в деревню Великий Двор, которая одна на всем пути способна была одарить всех теплом и светом и даже шкалом водки в сельском магазине.

Шофер автобуса Юрка Филиппов стучался в окладистый дом своего родителя, и каждому страждущему находился приют.

Но это в наши, так называемые советские времена. А что и как было в минувших веках, когда гужевой транспорт был единственным двигателем на зимних дорогах России!.. С какой радостью и вожделением ждали путники прибытия на постоянный двор!

В Ракуле был большой приход, объединявший девятнадцать деревень, с общей численностью жителей 1280 человек, по данным 1894 года. Селение Ракула упоминается в грамоте новгородского князя Святослава Ольговича, составленной в 1137 году. Архангельские историки утверждают, что первая церковь во имя Воскресения Христова существовала около 500 лет и была разобрана и заменена другой в начале XVIII века. Культура богослужения была поставлена на высоком уровне, почти все иконы в главных ракульских церквях были греческого письма.

Так как же расшифровать само название «Ракула»? Из этих шести букв можно образовать несколько слов, даже не прибегая к перестановке самих букв: «рак», «акула», «ула, (улка)». Но водились ли в Ракуле раки? А может, здесь вовсе и не в раках дело? Если заглянуть в словари, то окажется, что словом «рак» обозначается инструмент для чистки доменной печи; рака—гроб с мощами святого, гробница; рака—первая выгонка в винокурении; ракалье—негодяй, под-

лец; ракан — дубленый полушубок; ракун — енот. Но ведь есть еще и другие родственные слова: «рало», «корать», «орамый» и, наконец, «оракул»! Почему бы не предположить, что именно в этом селении проживал предсказатель судеб! Это во-первых. А во-вторых, в древнем мире место, где жрецы прорицали от имени бога, называлось именно так — оракулом. В-третьих, в каждом селении могли быть умельцы изготовления орала, сохи, а если в называемом был самый известный, то это тоже может быть объяснением происхождения имени.

В Ракуле, как и в других сельсоветах, есть Горы и Горки, Верхние и Нижние; есть Зaborье и Заручевье, Осередок и Погост. Не характерные для других местностей названия — Жилино, Зеленый Городок, Казенщина, Крениха, Околодок, Палишино, Палово, Подборье, Речка, Среднеконская.

Относительно последней я однажды пытался рассуждать в холмогорской районной газете и увязывал это название с наличием конных дворов, конюшен на почтовом и грузовом трактах. Местные жители возразили:

— Среднеконская и кони? Не согласны! Загляньте-ко в старые-те книжки: тамотки так и было написано, — Верхний Конец, Нижний Конец, а у нас Средний Конец.

В самом деле! Наша многоуважаемая СОВЕТСКАЯ орфография отучила нас от стремления глубокого осмысления смысла русского слова, и слово «конец» стало пониматься как нечто противоположное слову «начало». Есть начало и есть конец — и баста! Так гласили большевистские установки. Политика жаждавших безграничной власти проникла во все сферы, даже недоступные этим канцам. Слава богу, что и им пришел конец.

А в старину концом называли штуку ткани, холста, край поля или деревни. Можно было сказать:

— Конец сети семь сажен.

— Конец веревки сорок сажен.

— Сходил в оба конца, — то есть туда и обратно по намеченному пути, маршруту, скажем, в соседнюю деревню.

Или: «Продано три конца соломы!» «Купил два конца китайки», — пестряди то есть.

«Жилино» могло образоваться как от имени или прозвища человека, так и от слова «жить». Но как населенный пункт с числом жителей всего в две—три сотни душ могли назвать городком?!

Если заглянуть в словарь Грандилевского, то обнаружим: «Городок — живописное местечко на реке Емце...» Но жи-

вописнее Зеленого Городка место в пределах Холмогорского района найти непросто. Рабочий поселок неухожен — это одно. Но стоит глянуть с высокого берега на Двину, и от увиденной красоты дух захватит. Сзади поселка лесистая местность, справа — глубокий ручей и овраг, на берегу оврага живительный родник, и совсем рядом проезжая, на Москву, дорога. На противоположном берегу когда-то располагались богатые двинские деревни, напротив самой Ракулы древняя, полуразрушенная церковь, а чуть слева поселок Казенщина.

Относительно Казенщины трудно что-либо сказать. Одно известно, что там и до сих пор проживает немало людей, наследников жертв сталинизма, пострадавших во время коллективизации. Быть может, от понятия «казенные переселенцы» и название произошло? По словарю Даля казенщиной называется все казенное, принадлежащее государству.

Ну, а насчет «городков» можно порассуждать.

У Подвысоцкого «городки» — бревенчатые клетки, на которые ставят вытаскиваемые на берег суда. Городками в Поонежье называют полати — настил из досок, устраиваемый для спанья в избе под потолком рядом с печью. Городками в Холмогорском уезде называли плоские возвышенностии, на которых в древности устраивали засады для вражеского войска. Городком же называли острог, острожек, укрепленное поселение.

А Крениху куда деть? Кто ее придумал? Не может же быть, чтобы она и на самом деле куда-то накренилась. Слава богу, сохранились и другие значения слова «крень, крени». Во-первых, крень есть подбойный брус под килем судна. Во-вторых, крени, кренки — по-архангельски дровни, дровнишки, чунки, салазки. Кренюжный, крепевый — кривой, коряжливый хвойный лес. В-третьих, креницей называли и цветок, похожий на лилию, и ключ, родник, мелкую копань, колодец на водяной жиле, куда вставляется сруб, бочка или чан.

ОТ МУРГИ ДО МУРА

Селецкий сельский совет — места активных действий партизанских отрядов в период гражданской войны. Что ни деревня, то историческое памятное событие, опорный пункт «героических красных партизан» или прибежище «белогвар-

дейского отребья». Мурги, Тегра, Мехреньга!.. О каждой из этих деревень можно написать документальную повесть с приключенческим уклоном. Но что означают сами названия деревень? Уж не родственница ли деревня Мурги Московскому уголовному розыску? Могло же быть так, что событиями в Мургах занимался знаменитый МУР. Конечно, могло, да еще как! Если и не событиями, то участниками событий в прилегающих местностях.

Но у нас не та специфика.

В словаре Грандилевского есть слова «мур» и «мурок», что обозначает «зеленеющее дерно, молоденькая травка». У Даля мурга — провал, ямина, колдобина в районе залегания гипсовых пластов, которые вымываются грунтовыми водами. У Подвысоцкого почти то же самое, только чуть подробнее: — «подмытое подземным родником, узкое, обрывистое, в виде провала, углубление в земле, особенно много их по течению реки Пинега».

В Тегре и Мехреньге мне приходилось бывать неоднократно. Весьма живописные места, непонятно, почему не удостоенные кисти выдающихся живописцев, особенно окрестности Тегры.

Вообще в Холмогорском районе немного названий с окончанием на «ра»: Гора, Товра, Матера, — вот и все. Только Гор, пожалуй, многовато. О Товре у Подвысоцкого сказано так: «— деревня в Холмогорском уезде. О жителях ея, так как они в противность обычая в других местностях этого уезда, не охотно отлучаются на заработки в Петербург и предпочитают или хоряничать на месте, или нанимаются в ямщики на почтовых станциях, — говорят в насмешку: «Товряна дома углы подпирают, кнутом деньги наживают». Тегра не удостоилась такого внимания, вероятно, только потому, что жизнь в этом селе протекала в соответствии с общепринятыми нормами и канонами. В слове есть созвучие с «согрой». А на кольском наречии «кегора, тегора» — богатая ягелем местность, пастища для выпаса оленей.

Согра — поросшее кустами место на берегу реки или озера; просто тайга; болотистая равнина с кочкарником, ельником, вереском и ерником; лесистая возвышенность. Если брать во внимание все это применительно к Тегре, то названа она в самую пору. Всякой приметы отыщется понемногу. А вообще Тегра расположилась на живописной реке Тегре, с берегами, поросшими черемухой и другими зелеными кущами,

Для объяснения Мехреньги тоже кое-что есть.

Припоминается мне поселок Двинское Зачачьевского сельсовета. Первая моя командировка от редакции газеты «За коммунизм». Поселок Двинское только что строился, люди жили всего в десятке бараков, шло активное переселение из других поселков лесного края. Спросил я забавляющихся ребятишек, кто поселился в новых домах, мне ответили живо:

— Мехряки!

То есть переселенцы из закрывшегося лесопункта на реке Мехреньге. А мехряк по Грандилевскому — неповоротливый и даже ленивый человек. Обидно. Не всякому захочется в мехряки попасть. У В. Даля другое толкование: мехорить, мехрить — жрать, трескать. Мехряк — толстяк, неповоротливая туша. Это по-вологодски и пермски.

А разве не достойно внимания Мякуре! Крохотная деревушка на реке Мехреньге. Это в селе Плесе. Что тут ближе, — мяканье или мяуканье? Мякать — играть в отгадышки, ударяя по спине одного из партнеров. Мякать — есть хлеб, уминать, есть все без разбору. По-псковски мякать — просить, клянчить, выплачивать.

Вообще в Селецкой стороне каждое второе название — это предлог для серьезных раздумий над судьбами и богатством русского слова, родного наречия, великого языка. Скажем, что может обозначать Закода? А Ерошиха, Криavec, Кудосмина? Но это не самые замысловатые названия деревень. Чего стоит Рипалово! А Чуроз-Гора!..

По поводу Рипалова тоже были разные толкования. Рипало — это человек, часто моргающий глазами. И по тому же словарю Грандилевского рипало есть рачий хвост. Рипать — мигать, часто моргать глазами; чуть светить (о лампе), давать слабый дрожащий свет. Ни одно из этих объяснений не удовлетворило моего старого знакомого, жителя из села Плесо Селецкого сельсовета.

— Рипало — это крышка берестяного пестеря! — рассталковал он с нотками неудовольствия и раздражения, прочитав в газете мою краеведческую заметку.

Но вполне возможно, что когда-то в игривой реке Мехреньге и на самом деле водились раки, и повсеместным деликатесом были раки хвосты, добываемые ловцами прибрежных деревень. Теперь святую речку Мехреньгу настолько отравили нечистотами какого-то промышленного объекта,

находящегося в верховьях, что от реки пахнет иногда помойкой. Вот и показали нам воинственные коммунисты, где раки зимуют, — на том свете. Теперь в Мехреньге, даже если закрыть в ее верховьях рассадник зловония, ещесто двести лет не увидишь рачьего хвоста. Теперь я с горечью вспоминаю, с каким усердием тогда журналисты расхваливали на все лады большевистские формы правления. Теперь уже и школьнику стало понятно, что не религия — опиум народа, как сказал один бородатый идеолог, а коммунизм — проклятие человечества.

Я мысленно представил, как будут скрипеть зубами, читая эти строки, те, кто еще недавно был у власти и разбазаривал, расхищал народные богатства, с кем приходилось мне воевать на протяжении целой четверти века. Пусть поют, мерзавцы.

ОТ ВАРДЫ ДО ПЕЧКИ

В Устьпинежском сельском совете всего два поселка и три деревни: Рожево, Печки, Варда, Нижняя Паленъга и Усть-Пинега. Впрочем, в Усть-Пинеге как бы два населенных пункта, — поселок и деревня, но деревня давно уже соединилась с поселком, была поглощена им и теперь ее выделить можно лишь по остаткам деревенских построек. Весь сельсовет расположился на скромном пространстве протяженностью в десяток километров, а если до удаленной Нижней Паленъги, то и все семнадцать. Но от Печки до Паленъги — необитаемое пространство. Все население в основном проживает на узком пространстве от Варды до Печки, а это всего пять километров.

Варда — название занятное. С какого боку подойти — не сразу сообразишь. «Варга и варгасья» — слова распространенные. Только в Холмогорском сельсовете проживает больше десятка Варгасовых. А насчет «варды» — и слова такого в словарях не значится. Есть «вардовать», то есть прихотничать, брезговать. А варденин — чиновник, управляющий монетным производством.

Деревня Варда расположилась на высоком берегу ручья с одноименным названием. Ручей лежит настолько глубоко, что нетренированному человеку нелегко подняться по лесенке, устроенной на берегу ручья. Сверху глянешь — как в ущелье. А внизу плотники всю зиму сооружали боны —

длинные сооружения в виде узких плотов, которыми ограждают территорию реки, чтобы сплавляемый лес не уносило в сторону, и по которым ходят рабочие сплавной запани.

Печки объясняются проще. В этом месте когда-то процветало смолокуренное производство. Быть может, делали и строительный кирпич. Постоянно дымили производственные печки. Когда стал вокруг образовываться поселок, названия ему не пришло и придумывать. Странно: поселок один, а название во множественном числе!.. Так же, как и Холмогоры, Матигоры, Кельи, Фатеевы, Фоминцы, Чашины, Почапы... Ну, а о Варде разговор был в главе «От «горы» до «лывы».

ВОШЬ ЗАДАРМА

Относительно названия одного из двинских островов в Холмогорской луке в свое время ходила веселая байка.

Шествовал Петр I на стругах в Архангельске в 1691 году и вздумалось ему поинтересоваться, мимо какой местности проплывает его флотилия.

— Справа Вавчуга, а слева остров, Ваше Величество, — ответствовал кормщик. Прошло с час времени, снова самодержец полюбопытствовал.

— Справа Чухченема, слева остров, государь!

— Ух, ты! Вот это остров! — удивился государь-батюшка. А летописцы тот час же занесли в документы: «Сей остров, противу которого месторасположена Чухченема, поименован Его Величеством Ухт-островом».

Хотя по величине Ухтостров не самый большой среди многочисленных островов Холмогорской луки. Уж если расставлять порядковые величины, то самый большой из островов — это Куростров. Он так и назывался в старину — Большой. Второй по величине Нальостров (Нальеостров), третьим можно назвать Курейско-Матигорский или Холмогорский. Но если взять во внимание Оногру, отделяющую Холмогоры от Курейско-Матигорского, то Холмогорский остров совсем невелик. Стало быть, Ухтостровский по величине может стоять на четвертом или пятом месте. А сколько островов в Холмогорской луке всего — сорок или пятьдесят — с точностью до одного никто никогда не считал.

В конце девятнадцатого века на Ухтострове было два прихода, объединявшие двадцать одну деревню. Часть ухт-

островских деревень относилась к Чухченемско-Николаевскому приходу.

Сегодня островной Ухтостровский сельсовет насчитывает двадцать четыре деревни и один хутор в том числе. Представляющие этимологический интерес деревни Вождорма, Гольцово, Вашкаранда и Рембуево.

Что за Вождорма такая!? Уж не вшивота ли какая обосновалась в этих местах в глубокой древности? Ну, а чтобы не оскорблять чувства аборигенов, не поискать ли объяснения в иностранных говорах? Наверняка что-нибудь отыщется. И отыскивают. С превеликим успехом. Наподобие ломоносовских противников, которые «князь» присыпали от «кнехт», то есть «холоп»: «Владимир» производили из «Валмар», «Ольгу» — из «Аллогин», на что Ломоносов отвечал: «Ежели сии Бейеровы перевертки признать за доказательства, то подобным образом можно имя «Байер» произвести из российского «бурлак».

Конечно же, нельзя полностью отрицать, что «Вождорма» не славянского происхождения, а заимствована из какого-то другого языка. Но разве не звучит в первой половине слова исконно славянское слово «вож» в значении «проводник», «предводитель»! «...И умыв си очи, почерпнув воды, внезапну видение прия таково, яко не требовати вожа...» — гласит летопись Григория Богослова. Конечно же, перевод грубый.

А что такое «дор»? Кстати, в Копошском гайоне, недалеко от поселка Волошка, есть деревня (село?) с таким называнием. «Дор», по словарю Подвысоцкого, есть место, расчищенное из-под леса, близ селения. Возвышенное место! Говорили: «На дору выстроился». А задорье — место за дором. В Архангельской области в Устьянском районе в Бerezницком сельсовете есть деревня Задорье! Не от слова «задор», а от слова «За Дором».

Еще сложнее, казалось бы, обстоит дело с названием деревни Вашкаранда.

— Здесь-то уж никуда без угро-финского не уйдешь! — возликовали оппоненты, любители всего порубежного, привозного, с заморской этикеткой. Но слово — не джинсовый костюм на барахолке: пришелепнул ярлык поярче, поварил в уксусе или в какой иной суплеме, пришил карман на спине, а воротник на сердыше, и вывалился козырем заморским на мир честной: глядите, какой я баской!.. Слово не терпит рисовки и надуманной красивости. Слову не нужны заморские

ранги, — ему свою родословную подавай, как документ о рождении каждому человеку.

Ежели с радением к родному языку, то и в «Вашкаранде» нет ничего особо загадочного. Вашка — невыкупившая, рыжеватая, не дошедшая до серо-голубоватого цвета белка. Райда, райдник, райна — часть мачты на шияке. Слово «райда» относит к корельскому словарю Подвысоцкого. Но словарь Даля слова «райна, райда» называет архангельским и олонецким. Райда по Далю — олений обоз; райдник — погонщик, проводник, извозчик при рейде. По-олонецки рейда или райдина — сухая ива.

Ну, а как же с Рембуевым? Здесь не иначе, как надо искать родину Рембо... Но и здесь находится множество родственных иозвучных слов, если слово считать составным, сложенным из частей других слов. Раменье — опушка леса. Релка — песчаная коса посреди реки. Реями идти — лавировать, поворачивать с одного галса па другой, против ветра идти под парусами. Ну, а что такое буй, буек, и сегодня известно каждому, живущему у реки.

И все выходит по-русски, без кувырканий через голову.

Конечно же, если все внимание обратить на то, что русский язык на одну треть (больше или меньше?) состоит из иноязычных слов, постоянно пополняется новыми иноязычными привношениями, то дела наши совсем плохи. Но одно дело, когда слово пришло из другого языка естественным путем, закрепилось на протяжении веков и стало неотделимо от исконно русского, и уж совсем иное, когда это слово иноязычное притягивают в русский насилием, путем ловких манипуляций и бессовестного передергивания фактов, и даже исконно русские слова выдают за производные от иностранных. Пусть будут «западники» и славянофилы, но пусть все будет по чести и достоинству.

ХАВРОГОРСКИЕ БУТЫРКИ

Бутырская тюрьма известна своим тяжким наследием политического преследования противников всех режимов России, начиная с первых царей династии Романовых. Точных сведений, когда она была учреждена, нет. Но еще Петр I в башнях замка содержал мятежных стрельцов. При Екатерине II в Бутырку до казни был водворен Пугачев. Через старый Бутырский замок прошли сотни участников

Польского восстания 1863 года, там же сидели народовольцы, участники Морозовской стачки 1885 года. В 1904—1905 годах царское правительство в Бутырке содержало самых отъявленных большевистских головорезов. Там же обкатывал нары и большевистский поэт В. В. Маяковский. После Октября 1917 года большевики не погнувшись методами своих палачей взяли на вооружение те же тюремные стены, те же камеры и те же кандалы, нисколько не устыдясь, что вооружаются методами инквизиторов, тем самым объявили себя всему миру заплечных дел мастерами.

Если замок Бутырской тюрьмы каким-то образом и может быть связан с прославленной русской фамилией Бутурлиных, то хаврогочная деревня Бутырка могла только издалека слышать о чем-то подобном.

В Хаврогочском сельском совете семьдесят две деревни. Ни в одном другом сельсовете Холмогорского района нет такого количества населенных пунктов.

В названии другой деревни звучат отголоски еще одной известной в России фамилии — Дороховы. Для примера: Дорохов Иван Семенович — герой Отечественной войны 1812 года. Есть поселок Дорохово, в Московской области, названный в честь Ивана Семеновича Дорохова.

Как появились Дороховы в Хаврогочах? Ведь не иначе, название это именное. Но знаменитости знаменитостями, а однофамильцами знаменитостям быть не запрещено.

В Холмогорском районе и Дороховых, и Дорониных, и Дорошиних, и Дорофеевых можно найти сколько угодно. Дороховы есть и в Архангельске. Есть Кутузовы, Суворовы!.. Однажды захожу в какую-то очень солидную контору, а на двери кабинета табличка: «Александр Васильевич Суворов», и далее следует — заместитель такого-то начальника.

А Бухоровщина откуда взялась в Хаврогочах? Попади на зуб такое название патриоту России наоборот, так он таких нам угро-финских фокусов навыделывает, что трем академиям не разгадать.

Тот же самый склад у названий деревень Бушковы, Басалиха, Вахново, Домачево, Зуевщина, Кручинины, Ощепково, Танашевщина, Фелово и так далее.

Ерзовка стоит того, чтобы остановить на ней внимание. Это может быть и фамильное, а может быть и наоборот. Значение слова «ерзать» всякому известно. Но есть и другие словосочетания, которых также нельзя отвергать поспешно.

Ерик — часть покинутого русла реки, старица, куда по весне заходит вода, а вместе с водой и рыба. Ёрник, ерка — малорослый лес. Есть даже пословица: «От ёрника балда, от балды шишка, от шишки ком — а черт ли в нем?» — так говорили о негодном для применения в деле лесе. Ерпть — хлопотать, суетиться. Ертесь — ереситься, упрямиться. И есть слово «ез» — частокол или плетень поперек всей реки, чтобы не дать прохода рыбе и загнать ее в ловушки. Заезки, язы известны по всей России, как орудия лова. Езовище — место, где становится ез. Езовый, язовый — перебойный, закольный, учужный.

Если Ерзовка — название фамильное, именное, то имя, фамилия произошли, по всей вероятности, именно от этих слов.

А с Зарадой как быть?

Здесь целый наборозвучий: радость, рада, радеть, рдеть, редеть... Ежели корень «рад», «рада», то что же он обозначает по своей сути?

Конечно же, к украинской раде склоняться не будем. Быть может, это слово и заимствовано несколько веков назад у малороссов московитами или новгородцами, но у него должно быть и свое, русское толкование. Есть слово «рада», о котором уже была речь. Подвысоцкий выводит его из корельского «райда», а В. Даль из слова «радеть». Так вот и сказано: «Рада — совет, помощь. Подать раду — посоветовать, помочь, порадеть». Два умных человека, а судят и мыслят по-разному. Остается уважать обоих и оставаться со своим мнением по каждому вопросу и предмету.

Нельзя оставить без внимания деревню Устреку. Если бы Устьрека — разговоров бы не было: устье реки, да и все тут. Но — Устьрека! Чуть не устрица. Стоит только изобретателю топонимических фокусов призадуматься, и тотчас же появится угро-фино-скандинаво-саксоно-немецкое детище на белый свет.

Можно назвать и устрицу устеркой. Ласкатально. Но вряд ли хаврогорские крестьяне имели возможность баловаться таким деликатесом. Скорее всего секрет в произношении слов. Если поблизости этого селения устье реки, то и гадать нечего: для удобства местного произношения «ъ» просто был упущен и Устьрека превратилась в Устреку. Может быть и другой вариант. В старину любой крестьянин позажиточнее мог взять на откуп участок реки для ее ис-

пользования в рыбной ловле или других промыслах. А если река была небольшая и не было претендентов на ее владение, то она могла на время стать собственностью и одного хозяина. Скажем, река Устиня, Иустина такого-то или Устиньи такой-то.

Вроде бы все по Хаврограмам выяснили... Только как же быть с самими Хаврограмами? Хоть на поклон к уgro-финам иди. Впрочем, к уgroфинам далековато, можно и поближе — к ненцам, а уж у них-то на букву «х» всего достаточно. Только вот в чем вся загвоздка: и хочется уважить другую национальность, да уж оченьильно своей такой беспомощностью и низкопоклонством перед чужим приижать свое национальное достоинство. Если «шаман» слово ненецкое, а «руно» слово финское, то никто не собирается выводить из русского «шамать» — (есть, шептать, перешептываться) и из русского «рунинишко» — (худая, ничтожная одежонка) финское «руно», «руны» — (песни, сказания)...

Пусть каждый народ поет свои песни, складывает свои сказания, и на свой вкус и цвет создает молитвы своим богам.

Первая часть слова «Хаврогоры» решалась бы просто, если бы не озадачивала возможностью принизить патриотические чувства местных жителей. Ну, куда проще: в данной местности было развито свиноводство, хавроны паслись на всех горах вокруг, потому и Хавророги. Но в этом непонятном «хавр» могло быть со временем что-то и утрачено. Скажем, «шабр» и «сябр» одно и то же, то есть сосед. Но всех местничеств никого никогда не приводил в каком-то сравнительном справочнике. Откуда нам теперь знать, как и когда появилось это сочетание звуков «хавр»!.. Хабарка — по-архангельски есть лесистый островок. Но есть и тюркское слово «хабара», что означает взятку. Но в таком случае как же взятка могла превратиться в остров? Значит, это не закономерность и не заимствование, а чистая случайность, совпадение сочетания звуков.

В одной местности соседи назывались сябрами, в другой шабрами, но почему в третьей не могло быть третьей вариации — фабров или хабров? Конечно же, Хавророги — Хавророги — это бездоказательно. Значит, надо искать, раскапывать, открывать кладези местных говоров.

А для меня Хавророги — очень звучное имя,

ПАТРИОТ—ЭТО НАЦИОНАЛИСТ...

В сентябре 1991 года вышел в свет первый номер журнала «Родина Ломоносова». Подписки, конечно же, не было. В редакцию стали поступать письма с просьбой выслать журнал наложенным платежом. Среди авторов писем были учителя, краеведы, экскурсоводы, просто любители краеведческой тематики. Одно из первых писем было отпечатано на компьютере. Автор был членного слова и, как говорят, сразу брал быка за рога.

Вот полный текст письма: (поступило 26 сентября 1991 г.)
«В редакцию журнала «Родина Ломоносова». 163020, Архангельск, ул. Корпусная, 8, 1.

Уважаемые товарищи!

Прошу вас выслать мне наложенным платежом 1-й номер вашего журнала с приложением. Заранее благодарю.

Не исключаю, что в дальнейшем смогу чем-либо быть вам полезен. В данный момент имею Собственного сочинения рукопись «История русских флагов» (отпечатана на машинке) и микрофильмы с 2 известных родословных книг русских князей и дворян — «бархатной» книги 1787 г. и книги Лобанова-Ростовского 1895 г. Не исключено, что отдельные выдержки из последних заинтересуют читателей... Кроме того, имею более 1200 собранных мною краеведческих и более 70 глобальных вопросов для конкурсов эрудитов.

С уважением, (подпись) и дата 24.09.1991».

В тот же день я отправил автору государственный экземпляр журнала с предложением предоставить возможность познакомиться с «глобальными» вопросами для конкурса эрудитов».

Я был ужасно рад такому развитию событий. Сразу же после объявления в газетах о рождении краеведческого журнала столько писем и даже с предложениями сотрудничества! Какой редактор не запоет от счастья!

Еще через два дня я смог услышать голос автора этого письма по телефону. Он оказался настолько практичным, что мы сразу же договорились о встрече, и через два часа в редакции состоялся разговор. Автор был молод и слегка застенчив. Я ожидал, что в руках у него будет тяжелый сверток с рукописью, но ничего этого не увидел. Он просто вытащил откуда-то из-за свитера записную книжку и несколько отпечатанных на машинке листов, сложенных вдвое.

Разговор был интересным. Я выразил готовность издать все краеведческие и глобальные вопросы, если они будут отпечатаны на машинке по требуемой форме. Рукописью о флагах оказалась небольшая статья на 8—10 страницах. Казалось бы, поговорили обо всем. Приходило время, когда остается только взаимно пожать друг другу руки. И тут мой собеседник, глядя куда-то в сторону (у него была такая манера разговаривать), спросил:

— Как вы относитесь к плюрализму?

— Очень плохо и к «плюрализму» и к «консенсусу», потому что считаю вполне достаточными для любых объяснений возможности русского языка, — ответил я.

И тут он стал подсовывать мне бумажку, тоже отпечатанную на машинке, с текстом заметки:

— Не считаете ли вы возможным опубликовать на страницах вашего журнала мнение, противоположное нашему?

— Очень даже считаю, — произнес я и стал вчитываться в текст. То, что предстало перед моими глазами, было с трудом воспринимаемо моим воображением. За одну—две минуты перед моим взором промелькнул двадцатилетний период обид за родное русское слово, страданий души и униженностей при виде беспардонного порицания всего отечественного. Мало того, лично я обзвывался националистом только потому, что решительно выступаю в защиту всего русского.

Слова были хлесткие, выражения бесстыдные, — весь текст выстроен был с расчетом подмять оппонента, раздавить, размазать. Впрочем, это даже не было похоже на оппозицию. Это было самое примитивное печатное хулиганство. И мне трудно было поверить, что так может выстраивать свои соображения человек, закончивший историко-филологический факультет педагогического института. Я видел, что по характеру он был человеком мягким и даже слабохарактерным, но за десять лет учебы в школе, а затем в студенческих аудиториях его сформировали таким вот «самоутверждающимся». Он являл собой плоды нашей советской системы «народного» просвещения. Десять лет назад я вышвырнул бы его из редакции. Но слишком много пришлось пережить и увидеть, общаясь с ученым миром и с властью предержащими. Теперь уже нельзя, недопустимо было вставать в их позу, вооружаться их методами, проповедовать свои идеи с их колокольни. Их власть была более ужасной и омерзительной, чем все возможные в мире пакости.

Самой главной моей виной, за что я попал в националисты, было то, что я доказывал русское, славянское происхождение слова «Холмогоры».

В 1849 году в журнале «Просвещение» была опубликована обширнейшая статья «Холмогоры и Куростров». Автор ее В. Верещагин рассуждал так:

«С того же времени, как воеводы, управлявшие Двинскою землею, переселились из прежних мест своего пребывания в посады, составившие Холмогоры, совершенно исчезла и важность Ухтостровской и Матигорской деревень.

Но, вероятно, разноименность посадов приводила в затруднение, это старались преодолеть каким-нибудь общим названием. Грамоты, посыпаемые к двинским воеводам, подписывались так: «На Двину, воеводе или боярину нашему такому-то...».

Для народа необходимо, однако же, было иметь более точное определение, — называть это место шестью или семью именами деревень было невозможно. От этой необходимости и произошло название Холмогоры, которое, выражая местность, вместе с тем обозначало не один пункт, но именно все посады или деревни, находившиеся на островах Двины. Это название явилось гораздо ранее 14-го столетия, хотя упоминается о нем в первый раз в грамоте Иоанна II Ивановича. Невозможно предполагать, чтобы оно было дано или изобретено самим Иоанном.

Нет сомнения, что оно вошло в грамоту потому лишь, что было всем известно и всеми усвоено, — на что, разумеется, надобно было время и постоянное употребление этого названия.

Когда управление Двинскою землею сосредоточилось в одном пункте и когда пункт этот стал замечательным местом, то, естественно, на него и перешло название, существовавшее ранее и относившееся к пространству более обширному. Что же касается до того, почему называли в старину Колмогоры, а не Холмогоры, — это понятно с первого взгляда. Известно, что буквы «к» и «х» почти во всех языках ведут между собою непримиримую вражду: «х» стоит и произносится иногда там, где бы должно быть букве «к», — и наоборот. Мудрено ли, что Холмогоры (с ударением на «хо») превратились в Колмогоры, что, как всякий может испытать, произносить гораздо легче. В просторечии не слышим ли мы «клеб» вместо «хлеб», «росомака» вместо «росомаха», «клестать» вместо «хлестать», «хто» вместо «кто», «хрест»

вместо «крест», — и множество других примеров, исключая только те слова, смысл которых может изменяться от подобных переходов.

Года два тому назад мне попалась статья о происхождении слова Колмогоры. Сочинитель пишет, что это слово состоит из двух: одно принадлежит финскому языку, другое — русскому. Что русские люди, желая дать общее имя холмогорским посадам, могли выдумать только слово «горы», а первую часть слова «колмо» взяли у финнов. Таким образом будто бы и составилось слово Колмогоры, которое в переводе значит «три горы» или «третий остров» между горами (будто бы это все равно!). Далее, говорит он, что «такое имя дано посаду сообразно с местностью», — и тут высчитываются три горы. Если так, то русские, рассуждавшие о названии города, ими же построенного, понимали бы, что «колме» (а не «колм») — значит три. Почему же они не назвали города Тригорским или Троегорьем, что было бы совершенно по-русски и не требовало бы никакого перевода? Существует же у нас подобное название — Пятигорск; не назван же он Беш-горы. В этой статье говорится еще что, река Двина образовала здесь четыре острова: Ухт-остров, Наль-остров, Кур-остров и Холмогорский, который в старину будто бы назывался Колм-островом, то есть третьим. Это — догадка, не имеющая верного основания. Всех островов находится тут не четыре, а девять; если бы имена им были даны по счету, то не было бы теперь ни Кур-острова, ни Наль-острова, ни Ухт-острова, а существовали бы Какси-остров, Кольме-остров, Нальэ-остров, Виизи-остров, Куузи-остров и т. д. Странно и всегда опасно играть созвучиями слов и из них выводить свои заключения».

Вот такой экскурс в топонимику и этимологию был дан в авторитетной статье В. Верещагина, опубликованной почти полтора века назад.

За сто лет до статьи В. Верещагина почти о том же самом говорил в «Замечаниях на диссертацию Миллера» М. В. Ломоносов: «Не упоминая других его переверток, которыми он имена князей и городов российских претворяет, не могу пройти мимо того, как он имя города Холмогоры производит от Голмогардин, которым его скапчивацы называли. Ежели бы я хотел по примеру Бейера-Миллеровскому перебрасывать литеры, как зернь, то бы я, право, сказал шведам, что они свою столицу неправедно Стокгольмом на-

зывают, но должно им звать онью Стнокольной для того, что она так слышет у русских. Имя Холмогоры соответствует весьма положению места, для того, что на островах около его лежат холмы, а на матерой земле горы, по которым и деревни близ оного называются, например, Матигоры, Верхние и Нижние, Каскова Гора, Загорье и прочие».

(ПСС, т. 6, стр. 41.)

Дополняя материал В. Верещагина, можно привести еще не меньше дюжины примеров, когда звук «к» подменяет «х», и наоборот. Более того и другие звуки чередовались в ста-ринных произношениях с такой же легкостью. В летописях и других древних документах, например, Астрахань называет-ся Астраканью, Погоцк — Полотьском, точно так же в пис-цевых книгах Голдобиха называется Колдобихой, Пухта-ковка — Пуктаковкой, Соломбала — Солонбалой, Зачачье—Зачатьевской, Лохта — Локтой, Хечемина — Кечеминой, Харино — Кариным, хворый — кворым, бахилы — бафи-лами.

К тому же «гора» в слове Холмогоры означает еще и то же самое, что и «угор», то есть берег, материая земля. На ме-стном наречии говорят: «Поднять карбас на гору», то есть на берег. «Ехать горой...», — то есть берегом. Толковый словарь В. Даля поясняет: «Горою на севере называют так-же вообще землю, сушу, берег, материик в противность воде, реке, морю».

Кажется, все яснее ясного. Аи нет. Сторонники норман-ского происхождения до сих пор нет-нет да и высовываются из-под воротни с отчаянным визгом и хрюпом на все рус-ское. Некто К. Тиандер в 1900 г. в Санкт-Петербургской ти-пографии Академии Наук отпечатал книжицу в 19 страничек, в которой мучительно пытался доказать, что белое это черное. Путем длинных вариаций и неубедительных аргумен-тов он выстраивал версию, что Холмогоры есть слово скан-динавского происхождения. Метод его был схож с тем, когда из «мухи» делают «слона»: в каждом последующем слове изменяют всего одну букву, сначала из «мухи» полу-чается «мука», затем «сука» и так далее и тому подобное, и в конце концов, — «стон—слон».

Так ведь то Тиандер. Ему простительно — он немец. А мой собеседник стучал себя в грудь: «Я — русский!» Где уж там...

ХОЛМОГОРСКОЕ ПОБОИЩЕ

В Холмогорах в какую сторону ни глянь — отовсюду историей веет. Глянешь на Спасо-Преображенский собор — выдающиеся личности истории во весь рост встают: Петр Великий, Афанасий архиепископ Холмогорский и Важеский. Пройдешь по улице Октябрьской — крепостные сооружения видятся: именно по этой улице проходила северная стена крепости. Глянешь в сторону Курострова — там Ломоносов родился, а еще раньше на этом острове чудское капище было. Ну, а в сторону северную, — там сплошная история. О самой Курье столько побывальщин, что непонятно, каким образом это селение не прославилось больше, чем писаховская Уйма.

Что там Уйма, под которую ветров напихали и облетели вокруг света. Это все сказочки. А под Курьей в глубокой древности такие события происходили, что до сих пор некоторые деревни носят историческо-героические имена: Побоище, Спасская, Белая Гора, Кичижно, Обухово.

Стенька Разин кричал своим ватажным обормотам: «Сарынь, на кичку!». Да разве курейских молодцов перекричишь?! Они в таком состязании и участвовать не станут. Для чего им бунтарская кичка, когда у них деревня Кичижно! А тут и обухом не проймешь. Деревня-то Обухово!

Ну, а о том, где кого били и где кто спасался — это все доподлинно известно. Тут нам и скандинавские саги пригодятся. Там очень все складно описано.

А было это так.

Прознали норманные викинги, что есть такая сказочная страна Биармия, по другим сведениям Бъярмалану. И что в этой Биармии-Бъярмаланде дикари золоту цены не знают, сваливают его в кучи где попало, с ног до головысыпали своего идола в чудском капище. И будто бы, что сам идол тоже золотой. Ийомала называется.

Долго плыли викинги по морю. Затем высадились на берег и еще дольше шли лесом. В лесу увидели капище под охраной неусыпных стражей. Идол на самом деле был золотой. На коленях у идола стояла золотая чаша. Золотая чаша до краев была наполнена золотыми монетами. А на шее у идола висела тяжелая золотая цепь.

Викинги применили тактику глубокой разведки, усыпили бдительность стражей, а потом их крепко подпоили вином.

Когда стражи уснули вповалку, викинги принялись к осуществлению коварного замысла. Они реквизировали золотые монеты вместе с золотой чашей. Но идол оказался не то слишком тяжел, не то обнаружен был подлог — не золотой он был, а только покрашен золотой краской, что ли. Цепь никак не снималась почему-то. Викинги решили ее разрушить. И так увлеклись, что колотили до утра, пока не выспалась стража. И тут все зазвенело, включилась сигнализация, викинги пустились наутек, а чудь — их догонять. Викинги переправились на левый берег Курополки и ударились в луга. Там их чудь настигла и давай лупить своими дубинками. (Сегодняшняя милиция их опыт взяла на вооружение). И так их там крепко побили, и такое им побоище устроили, что весь народ из окрестных деревень сбежался, все стали жалеть бедных норманнов и просили отпустить с миром. Ну, когда у них все золото выгребли, то главный чудской полицейский разрешил преступников отпустить восвояси. Событие настолько было впечатляющим, что окрестные жители враз и напрочь позабыли, как до этого деревня прозвывалась, под которой норманнов метелили. Так Побоищем с тех пор и стали называть.

Моя вариация рассказа может быть не совсем точной. Но схема событий была такова: долго плыли, долго шли, с трудом унесли иоги.

Делаю оговорку, что моя вариация рассказа подготовлена в духе норманнских сказаний, с такой же детской наивностью.

Ну, а если перейти к серьезному обсуждению вопроса, то первым сомнением будет такое: здесь ли надо было норманнам искать сказочную Биарнию и чудское капище с золотым идолом? В сказании сказано, что корабль долго плыл, — это могло быть. Но сказано, что команда корабля, высадившись на берег моря, долго шла лесом. А Куростров не в море, а посередке Двины; до еловой рощи от берега всего полтораста метров. До той рощи, в которой будто бы находилось чудское капище. В-третьих, если бы норманны уходили с награбленным, то для чего им было переправляться на противоположный берег Курополки? Им надо было просто сесть на свой корабль и отчалить от берега. Но они почему-то ударились в луга, чтобы там оказаться настигнутыми. Нелепость следует за нелепостью, а ученые люди, вроде К. Тиандера, подхватывают детские сказочки и начинают научные споры.

Из всего выше сказанного следует, что не было на Двине никакого Бъярмарланда. Что это всего лишь плод фантазии древнего писателя. Ну, у какого нормального человека современности возникнет желание, прочитав художественное произведение, отыскивать его реальных героев. Могут отыскаться не более, чем прототипы. А прототипы Стурлезона могли быть собранными со всего света. Он сочинил красивую сказку, а серьезные люди тысячу лет носятся с ней, в горячем желании на этом заработать славу, либо ученную степень.

Ну, что ж. Арабская пословица гласит: «Собака лает, караван идет вперед». А если по-русски сказать, то это будет так: «Не любо — не слушай, а врать не мешай».

А наше дело такое: все слушай, да не все на веру принимай. Так-то!

ХОРОБРЕЦЫ!

Относительно предыдущего рассказа о Побоище надобно заметить, что название деревни вовсе и не связано, должно быть, с каким-то батальным событием. Быть может, градом там что-то побило, быть может, соседи не поладили между собой, обломали несколько кольев о свои бока, а потом помирились и нили мировую. А может статья, что вовсе не от слова «бить» произошло название, а по причине каких-то обоюдных соседских интересов, какое-то между ними было побоище, обоюдовыгодный уговор.

Точно такие же странные рассуждения и догадки ходят вокруг названия села Хоробрица. Как знать, не сыграло ли здесь злую шутку чередование звуков «к» и «х»? Если была бы Коробрица, — объяснение пришло бы само собой.— короба делали! А так гадай: то ли от хоромины, то ли от хоравини имя произошло. А может, и гадать не к чему. Есть же старинное русское слово «хоробрый»! Вот так и местные жители объясняют.

Ехал царь Петр на карете по берегу Двины в город Архангельский, а дорога в ту пору была неважнецкая. Карета возьми да и завязни в колдобине. Как царю быть? Не пешком же далее шествовать? Тут, откуда ни возьмись, сиоровистые мужички появились, враз признали царя батюшку и вызволили карету. Царь и говорит им в благодарность:

— Хоробрецы, мужички! Қаковские будете?

— А мы тутошние все.

— И все хоробрецкне? Дельно. Хвалю за усердие!

И укатил в свой Архангельск.

По другим версиям дощаник государя напротив села сел на мель. Мужички сыпали с берега, посыдали портки и в един миг дощаник с мели вызволили. Царь опять, с дощаника уже:

— Хоробрецы, мужички. Қаковские будете?

А еще по другим сообщениям, царь надумал морскую команду формировать из двинян, как знакомых с морскими промыслами и проворными в корабельном ремесле. Высадился он на берег и велел мужиков на смотр собрать.

Выстроились мужики — один к одному, а царь нос в сторону воротит, что-то не любо ему.

— Грудь колесом, ручищи — что надо, а рожи у всех страшнее медвежьих. — А ну, хором бриться!

Ослобонились мужички от волосяного покрова, царь поглядел на добрых молодцев, крякнул довольный бравым видом мужиков и похвалил:

— Хоробрецы, служивые!

И с какого боку мужички не начнут рассказывать о своей деревне, всякая побывальщина ХОРОБРЕЦАМИ кончается. Худо ли, когда народ с такой любовью к своей отчине!

ПУР-НАВОЛОК

Доктор исторических наук профессор Г. Г. Фруменков в одной из своих историко-краеведческих работ об Архангельске сообщал: «Михайло-Архангельский монастырь, вокруг которого разросся Архангельск, был воздвигнут на уроцище Пур-Наволок. Название это гибридное, смешанного русско-чудского происхождения».

То есть Наволок — слово русское, а Пур — неизвестно какое. Георгий Георгиевич приводил свидетельства и предположения нескольких авторов. По одним версиям «пур» слово карельское, по другим — саамское, по третьим — финно-угорское. И в такой последовательности оно может обозначать грёбенчатый мыс, — это если переводить с карель-

ского. Если с финно-угорского, то получится «бурный, быстрый». А можно перевести и как «возвышенный, обрывистый», и даже как «снежный». А один языковед считал, что «пур» обозначает туман. Одним словом, в какой язык сунешься, так и переведешь; чего захочешь найти, то и отыщешь. Но все почему-то искали перевода с иноязычного. Никто не подумал перевести русское с русского. Г. Г. Фруменков своих предположений не высказывал на счет толкования «пур». Хотя, как мне кажется, он тоже был не прочь объявить это слово русским, да не было у него, как ученоого, на этот счет веских доказательств.

Ну, а какие могут быть доказательства, если слово изменило свою первоначальную форму?

Когда я приехал в Холмогоры — было это в 1967 году — я долго не мог понять, почему поселок называется с приставкой «Брин-»? Брин-Наволок! Наволок — понятно! А откуда и для чего загадочное «Брин-»?! Спустя несколько лет я совершенно случайно натолкнулся на разгадку. В каком-то историческом издании я встретил полное название — Брилин Наволок! Полное слово «Брилин» было трудно произносить, и окончание со временем утратилось, даже не окончание, а две мешавшие буквы. А разве не могло произойти то же самое с Пуровым Наволоком? Или Пургавиным Наволоком?.. Или еще каким-то другим, именным, фамильным?

Другой вариант. Если приемлемо переводить слово с иноязычного и давать в переводе значения «туманный», «бурный», «быстрый», то почему бы без всяких переводов не применить русское слово этого же значения?! ПУРГА! ПУРЖИТЬ! Здесь все: и буря, и стремительность, и плохая видимость, и все, что только потребуется для неблагоприятных условий.

Подвысоцкий сначала говорит, что Пур слово финское и обозначает туман. Но затем высказывает предположение: не из «пура» ли образовалась «пурга»? И утверждает, что «пурга» слово зырянское. А пурга-падера — сильная снежная метель, причем падера — бурная, со снегом и дождем погода.

В. Даль относительно принадлежности «пурги» ничего не говорит, у него стоит помета — северное, восточное, сибирское. В Большой Советской Энциклопедии это слово относится к карелофинскому. Фасмер — к архангельскому гово-

ру, олонецкому, восточно-русскому, сибирскому, калмыцкому, карельскому, финскому, ханты, манси, саамскому, марийскому и даже тюрскому. О чем это все говорит? Да лишь о том, что любому слову можно найти множество аналогичных созвучий в других языках, если сильно этого пожелать.

Мы недавно говорили о названии деревни Дор. По Далю — это роспись на высоком месте, новая деревня, починок. А по-пермяцки «дор» это печь.

Так что же на самом деле обозначает «Пур—»?

С Г. Г. Фруменковым мы однажды подошли к самому краю берега, который обозначен Пур-Наволоком. Я спросил опять о том же.

— Не знаю. Не могу сказать. Я не занимался специально этим вопросом, — уклончиво ответил ученый. Да, с точностью ответить всегда трудно. А версий наговорили уже больше, чем надо.

МОЖЕТ ЛИ ОЗЕРО ПЛАВАТЬ?

Между Холмогорами и Курьей есть очко Плавучее. Любопытно, — вправе удивиться всякий, — как это получается на самом деле, чтобы озеро да еще и плавало?! Но ведь не сегодня же придумано название озеру. И оно не такое уж крохотное, поскольку отмечено на карте П. И. Челищева, путешествовавшего по Северу в 1788 году.

Вообще относительно озер в Холмогорском районе может состояться разговор особый и довольно интересный. По статистике 1851 года в Холмогорском уезде насчитывалось около 300 озер «главных и менее значимых». В какой же разряд попало озеро Плавучее, если его не оказалось в перечне? И травяное озеро не удостоилось внимания, а оно размерами не с Плавучеем. Или оно в то время по иному называлось, или автор не располагал полными данными. Ну а если такие озера не попали в сводные данные, то сколько же озер всего в Холмогорском районе? История таких сведений не имеет.

Названия озер настолько разноцветные, многоликие, многомерные и образные, что можно каждым долго любоваться и произносить бесконечно, как нечто музыкальное, чарующее слух. Есть названия по цвету, по форме, по ширине или длине, по наличию или преимуществу определенного сорта рыбы: Черное, Белое, Большое, Малое, Мелкое, Глубокое,

Щучье, Окунево, Гагарье, Жабье, Лебяжье, Горное, Поречное, Грязливое и Узловатое, Тихое и Светое, Осиновое и Березовое, — каких только названий благозвучных не придумано соотечественниками!

Однако ж и поклонникам иноязычного есть где развернуться. Прежде всего они озадачат уже известной нам риторикой:

— Извольте доложить, откуда взялись неславенорусские названия Кочкозеро, Каскозеро, Кенозеро, Пунопец. Кальзеро и многая, и многая прочая загадочность?

И ведь придется отвечать.

С малым да старым мороки не избежать.

Малого долго воспитывать, а старого только могила исправит. Никто не отрицает влияния на русский язык других языковых групп в период становления русской государственности. Но ведь нельзя же в каждой подколодине искать змею, готовую выбросить порцию яда.

Что такое Кочкозеро? Можно его перевести с угро-финского, а можно сказать, что это озеро с кочковатыми берегами. В названиях Каскозеро, Кенозеро, Кальзеро можно первые части представить финскими числительными, а можно определить как именные приставки. Скажем, Сергозеро зовется в сокращенном варианте, а Степашково озеро — в полном. Назови его Степозеро и кто-то наверняка ухмыльнется: «А ведь степей-то поблизости никаких не значится!..».

Одно озеро называется Сергозеро, а другое Середнее. Одно Кенозеро, а другое Кенор; одно Каузеро, а другое Каравово! И таким примерам — сопоставлениям несть числа. Большое Каменное озеро и просто Камозеро; Тяхминово озеро и Тяхмозеро, Тяхмуш, Другой Тяхмуш. А не одно ли и то же Безрыбное и Неймуш в смысловой нагрузке? Ни там, ни тут нет рыбы — вот и вся разгадка «угро-финского» происхождения.

Один досужий исследователь, чтобы доказать западное, европейское происхождение множества русских имен, составил сравнительную таблицу. Вологда река есть у нас и Вологда — в Германии; Вага впадает в Северную Двину и Вага приток Дуная; Самара в бассейне Волги и Самара у Юлия Цезаря; Пенза впадает в Суру и Пенза — в Ламанш, Франция; река Вель приток Ваги и Вельна во Франции; Ильмень под Новгородом и Ильменава — в Эльбу; Вохта приток Виледи и Вохта же в Нидерландах; Ока в России и

Ока в Испании; Дон русский и Дон в Англии; Емца в Холмогорском районе и Эмса в Германии. И с какой же целью проведено это исследование? Вовсе не ради сближения и родства народов и наций, а для разжигания национальной неприязни. Этот исследователь заявляет «Финские названия рек, как мы видим, одинаковы для всей России, до берегов Черного моря и до Вислы; следовательно, в древних курганах черепа непременно должны быть долихоцефальные, потому, что они должны принадлежать финнам». Здравствуйте, пожалуйста! Если на нашей русской земле даже черепа в древних курганах принадлежат финнам, то что же остается нам? Японцы требуют возврата Курильских островов! Финны ринутся за своими черепами и под видом черепов сначала оприходуют наши природные богатства, а затем в те же углубления захоронят и наши с вами черепа? Слава богу, сумасбродные идеи не часто становятся вниманием мирового сообщества. Потому-то и этот труд, вероятно обладателя ученых степеней, под громким названием «Происхождение названий русских и некоторых западно-европейских рек, городов, племен и местностей» был издан весьма ограниченным тиражом в заштатной типографии уездного городка Вельска в 1907 году и вряд ли когда-либо переиздавался.

Этот же автор театрально восклицает: «Какое слово, какое название может быть более родным для русского сердца, чем название Волга? Ни одно, никакое. Из всего безграничного моря русских слов — слово «Волга», кажется, самое русское». Но уже через одну-две главы он заявляет, что потому это имя столь благозвучно и вдохновляюще, что оно придумано финнами... Даже Иуда не смог бы проявить более изощренного коварства.

У одного нашего архангельского ученого я встретил такую фразу в топонимической статье: «На Русском Севере очень много (свыше 20 тысяч) нерусских топонимов. Изучение нерусской, или «чудской», топонимики Архангельской области обычно начинают с трудов И. С. Ефименко и А. Ф. Орлова». Северо-Западное книжное издательство, 1985 г. «Патриот Севера». Я не имею возражений против трудов П. С. Ефименко, который сам много лет прожил на территории Архангельской губернии и все «пощупал» своими руками. Я не делаю попытки приизнать влияние прибалтийских племен на русскую языковую культуру. Но нельзя же перемешивать все в одном корыте. Если готовить блюдо для свиней — тог-

да разговору нет, а для людей надо все делать по-человечески. Но когда по-иному, то и озера, и реки могут не только плавать, но и летать через материки, моря и океаны по единой прихоти досужего сочинителя.

Стоит только вслушаться в созвучия русских названий и проникнуться к произносимому русским сердцем, то от «свыше 20 тысяч нерусских топонимов» и половины не останется. На территории Холмогорского, хотя бы, района около тридцати больших и малых рек. Каждое имя — мелодия, и не какая-нибудь иерусская, а славянская, поморская, выпестованная трудом и душой народа проживающего здесь. Что за славное имя Пингиша! А чем хуже ее Челмохта, Пукшеньга, Усолка, Ваймуга, Бояркурья, Смердья! И не смерть звучит в последнем названии, а «мереда», то есть рыболовная верша, мерега, мережка. О Ваймуге уже говорилось ранее, — не чье-то здесь непонятное «вай-вай», а созвучие слова «ваймовать» то есть понимать, слова «вайде» — мере же; слов «ваймица» — крепление весла в уключине; «вайя» — вербная ветвь. А если в Холмогорах лягушка называлась вакушкой, то почему бы в Хаврогорах не называться ей покушкой? А Покшеньга и Пукшеньга две реки с родственными названиями. Вся наша беда в том, что не только значения многих слов утеряны, но огромное количество слов вовсе перестало существовать. Так зачем городить огород и, оправдывая свое бессилие, объяснять русское с иноязычно-го?

Конечно, как же озеро может быть Плавучим?! Тут какая-то иноземная миссия скрыта от глаза людского. А ведь озеро и на самом деле плавучее. В дождливую погоду к нему невозможно приблизиться, поскольку из озера нет никакого стока и вода после дождей скапливается в озерной низине. Посередке острова крохотный островок. В засушливую погоду на нем с очень душевным удовольствием можно провести время.

ВЕЛЬСКИЕ ТОПОНИМЫ

Что за прелесть городок Вельск! Воспоминания уводят в пору юности, начало шестидесятых, когда почти не было асфальтированных улиц и величайшей редкостью были многоэтажные дома, и дорожная пыль толстой шубой покрывала широкую зелень улиц, а все ж красивее Вельска, до той

поры, я ничего, пожалуй, не видывал из среды уездных (районных) городов и поселков. В выходные и праздничные дни неузнаваемо оживлялся город, расцветали улицы нарядными и очень улыбчивыми людьми, гомонил парк отдыхающими и развлекающимися вельчанами, кружили карусели и на всю округу звенел, очаровывал народ замечательный голос замечательного певца, кажется, потом попавшего в большевистскую опалу, — Эмиля Горовца.

А какое пиво продавалось в магазинчиках парка, и почти на каждом перекрестке Вельска: душистое, пенистое, питательное, и, что удивительнее всего, кое-где с бесплатным приложением соленых сухариков или вяленой кильки! Где нам теперь, при нашем запутавшемся демократическом режиме до такой культуры обслуживания! Проклинаем большевиков, но дай бог демократам дотянуться хотя бы до того уровня культуры.

Я тогда учился в лесотехнической школе. Времени было мало, его почти не оставалось для развлечений, и, наверное, поэтому каждая вылазка из общежития в город была великолепным праздником и запоминающимся событием. Особенно памятным событием стал районный праздник песни, который проводился где-то на окраине города, невдалеке от городского ипподрома, на живописной речушке, с корабликами, красочно-нарядными палатками, традиционными самоварами и веселыми хохотушками-продавщицами в русских сарафанах. С этим богатством красок и веселья могут сравниться разве что каргопольские и великоустюжские празднества, на которых тоже приходилось бывать.

В Вельске все непривычно и удивительно.

Нас, курсантов, провезли на бортовых машинах, наверное, через весь район, на сплавные работы, к затерявшейся в лесной глухи Шупарихе. Расстояние от Вельска до Щупарихи всего-то километров шестьдесят, а нас везли по разбитым дорогам целый день, с остановками у сельских магазинчиков, где бы чем подкрепиться. И не было никаких вздохов и жалоб на неудобства. Что может быть прекраснее жизненных сил юности!

Мы долго не могли выяснить, как называется поселок: Щукариха или Щупариха. Очень уж неприемлемым казался последний вариант. Щукариха — это где щуки. А Щупариха? Это где щупают?..

Потом оказалось, что все-таки Щупариха. Поселок назван по имени реки Щупарихи, контора лесопункта находилась в деревне Смольянской, потому и лесопункт назывался Смольянским, — это Хозьминский сельский совет.

В том же сельсовете есть деревня Гридинская. Что такое «гридин», — теперь уж без старославянского словаря и не разберешься — слово вовсе вышло из употребления. А название почетное, уважительное. Это равнозначно названию Гвардейской или Гвардеевке. Потому что гридин — это телохранитель князя, воин отборной дружины, гвардеец.

А деревня Мауркинская! Какая прелесть! Это же как музыкальная фраза. МАУРКИНСКАЯ!.. Маурый, каурый... Нет, не та здесь аналогия. Маурой окраски я не слыхивал. А вот слово «маура» есть. Маурена — это то же, что Поморье. Безусловно, это не от славянских словосочетаний. Но могло быть и по другому: уркать — это теперь свидетельство блатного жаргона, а в старопрежние времена урканьем называли негромкий крик птицы. В Мезени урканье — это крик куницы или горностая. Могло быть не одно Уркино, а Большое и Малое, что в сокращенном варианте будет Бауркино и Мауркино, Бауркинская и Мауркинская. А может быть, ни то и ни другое, а просто именное, относящееся к имени хозяина, владельца Маурки, Мауркина.

Не обойдешь вниманием названия деревень Хозьминского сельсовета Великий Куст, Исполиновка, Кореневская, Портновская. Ничего особенного в названиях нет, но с какой деловитостью умели наши предки всему давать имена! В Великом Кусте видится большое собрание крестьянских дворов, в Исполиновке то же самое и больше того; в Кореневской — что-то коренное, основательное; в Портновской — наличие добрых мастеров портняжного дела.

В Шоношском сельсовете примечательные названия Завелье, Заподюжье, Келарева Горка, Лодейное, Нермуша. Келарева Горка, бесспорно, имеет отношение к келарю, монастырскому служке, заведовавшему всеми припасами. А Нермуша? Коноша, Шоноша... Простокваша, панаша, замараша... Нет ли общей закономерности в этих словообразованиях? Русских слов на «нер» много, но что именно больше всего соответствует Нермуше, сказать трудно. Предположим, что деревенька была брошена своими хозяевами, которые разбежались кто куда от непосильных налогов, тягла, как тогда говорили. Земля в этой деревне осталась бесхозная,

непаханная, то есть неорамая. Хозяев нет, прежним именем деревню и называть совестно, а обязанности беглых хозяев висят тяжким гнетом на всем деревенском мире. И стала деревня Неорамушей. Стоило в течение полувека или больше того выпасть двум гласным звукам, и деревня стала Нермушей.

В Усть-Вельском сельсовете есть деревня Ельциновская. Ну, чем не повод поговорить о родословной президента России! Но вряд ли оправданными будут предпринятые усилия. Елец — распространенная речная рыба, любящая быструю и чистую воду. Но наверняка в этой деревне есть и была и фамилия Ельцины, — уж очень это похоже на именное словообразование. Но этот вопрос, безусловно, требует уточнения.

Не только аналогия с фамилией верховного правителя России, и другие созвучия с известными у нас в стране фамилиями находятся в названиях вельских деревень: Пугачевская, Ленино-Ульяновская, Абрамовская, Власовская... Как же, последний премьер большевистского правительства России!

Очень хотелось бы разгадать тайну Кулоя, да с которой стороны ни возьмись, — всюду слаба зацепка. А что-то родственное слышится в словах «полой» и «кулой». В Мезени полой — глубокая ложбина, где в половодье застаивается вода. В Холмогорах и Пинеге полой, пролой — пролив, прорыв паводковых вод в низком месте между двумя реками, например, между Пинегой и Кулоем.

Всего на нашем Севере две реки с одноименным названием — Кулой: одна в Вологодской и Архангельской областях, приток реки Ваги, бассейн Северной Двины; другая в Архангельской области, впадает в Мезенскую губу Белого моря. Наш разговор о Вельском Кулое.

Река Вель тоже не единственное в своем роде название. Есть озеро Вель в Вельском районе, на Валдае, в Псковской области. Предположительно, что от слов «вель», «велье» произошло и слово «великое». А может, наоборот?

Всего в Вельском районе четыреста двадцать пять населенных пунктов. Разве обо всем расскажешь! Чтобы все узнат, надо жизнь прожить в этих местах, да и того не хватит.

МИЛА И ВЕРХНЯЯ ТОЙМА

Тойма, Калежма, Пуртома, Вохтома... Сколько в нашем крае рек с окончанием на «ма»? Пожалуй, немного. А Тоймы сразу две—Нижняя и Верхняя. Есть еще Тойма—приток Камы и Тойма—приток Вятки, значит, сказать, что имя Тойма характерно только для Севера, было бы несправедливо. А ведь наверняка это имя уже кем-то занесено в разряд угрофинских: разве это по-русски — Тойма? А Пуртома? Относительно Пур-Наволока уже вынесен приговор: слово финское, означает туман. Ну, а как относительно туманов на Пуртоме? Это в Холмогорском районе. Что-то я не замечал подобных метеорологических осложнений, прожив в этом районе почти четверть века.

Есть еще Кодима — в Онежском районе, но об этом разговор впереди. И, конечно же, при упоминании карело-финских особенностей произношения так и хочется сказать не Пуртома, а Пууртома. Может быть, и Пуртома правильнее написать через «дефис»? Пур-Тома! Пур-Тойма! Вож-Тойма! Почему бы не допустить, что в древние века так и было?! Пур-Нема! Это Онежский район. К тому же и по мифологии все подходит, — есть божество в Мордовской древней религии Пурьгине-Паз. И возникло оно под влиянием балтийской мифологии. Под воздействием христианства Пурьгине-Паз приобрел атрибуты Ильи-пророка: разъезжает по небу на колеснице, запряженной тремя огненными конями, а колеса колесницы высекают молнии. Чего еще надо для увязки обсуждаемого вопроса и сближения трех народов: мордвы, прибалтов и славян! И нет никакого диктата, навязывания чужой веры.

Кстати, насчет изменения первоначальных названий деревень. В «Списках населенных мест Российской империи» в первом томе «Архангельская область» приведены 2565 наименований населенных пунктов, расположенных в семи уездах: Архангельском, Кемском, Мезенском, Онежском, Пинежском, Холмогорском и Шенкурском. Если сверить сегодняшние списки с теми, опубликованными в 1861 году, очень многих деревень недосчитаемся. Да и как сверить? У нас даже и списки населенных мест издавались только для служебного пользования. Северо-Западным книжным издательством был издан справочник административно-территориального деления Архангельской области, в 1984 году, но пользо-

вались им благодаря приятельским отношениям с одним из секретарей райкома партии. Я пользовался им всего одни сутки: сделал фотокопию и удостоился похвалы, что так быстро вернул столь ценную, почти секретную вещицу. Так вот, в этом справочнике многих деревень просто нет, а некоторые названия изменены. Например, нет деревни Горочной, Челщины, Калягинской, Пердуновской, Столбовской. Относительно первых трех мне ничего не известно, то ли изменились названия, то ли их вовсе нет. А Пердуновская, по причине неприличности своего имени, переименована в Часовенскую. Такие некультурные слова, видите ли, при Советском строе произносить неприлично!.. Уничтожать целые народы прилично, а называть селение законным именем, видите ли, аморально. Более того, из словаря В. Даля при переиздании убрано само это слово: «пердеть — испускать воинственные ветры». Даже самого Даля, почетного академика, лауреата Ломоносовской премии, современника и друга А. С. Пушкина обвинили в крамоле, в покушении и в диверсии на Советскую власть!

Так как же нам сегодня рассуждать об установлении истины относительно повторного рождения русских имен?!

В Верхнетоемском районе много сходных с холмогорскими имен: Кулига, Копытовская, Паленьга, Бор, Гора, Зaborье, Заозерье и т. д. Это весьма распространенные имена и не стоит на них задерживать внимание.

А какая россыпь любимых в народе имен! Фатяновская, Сумароковская, Гоголовская, Лазаревская, Чаплинская, Абрамково, Головинская!

Много ласковых имен: Мила, Люлинская, Голубинская, Запольки, Ламлево, Ужица, Васютинская...

Почему Ламлево?! Кому адресована Мила? А Ужица?!. Ведь не Ужица же, а Ужица!

При промысле моржей и тюленей применялись лыжи для транспортировки добычи к лодке, судну, лыжи эти назывались ламбы. Ламбуга — нарастающая на стволах стареющих деревьев губка. Ламбина — озеро, образовавшееся на месте старого русла реки. Если допустимо предположить, что первоначально село называлось Ламлево, то лучшего варианта и не придумаешь. Но вполне возможно, что это название именное.

Ужище, Ужица, Клечь — это все слова одного и того же значения, обозначающие веревку, которой вытаскивают на берег сеть с уловом.

Ну, а «ижица», всем известно — название последней, 42-й буквы церковной азбуки. Как «ужица» породнилась с «ижицей» — одному господу богу ведомо.

Стоит ли пытаться объяснить «Милу». Думаю, что здесь и так все понятно. Кому-то мила была своя деревенька, а, может, и всем в окрестности люба, — какой тут спрос! К тому ж, у нас еще будет возможность поговорить о Любовском и просто о любви.

Мила что! Как объяснить Хорнему, Керас, Ламбас, Лохому?

Ведь надо же — Ламбас! Сказали, как пластью весла по воде ударили. Попробуй объясни, — тут тебе и Лохма, и хохма.

Ламба — производное с карельского, обозначает глухое озерко в лесу. Ламбина — архангельское, обозначает озерко в старице, на пересохшем речном русле. Ламбы, ламды, — водяные лыжи, которые промышленники использовали для ходьбы по вешнему льду, шуге.

Хорнему раскусить будет посложнее, — готового слова в запасе у старых словарей нет. Хорайдать — скрипеть; хорой, хорей — слова печенецкие, не подходят. Самое подходящее — «хоронушки», что означает прятки, игру в прятки, по-онежскому. Но если вспомнить, что «к» и «х» часто заменяют друг друга, то не попробовать ли вообразить на времена Хоренему Коренемой? Коренговатый лес — коряговатый, суковатый, малорослый. А корепник — плетеная из тонких корней корзина, какие использовались и находили широкое применение в Подвийе.

Остались Керас и Лохма.

Кережа, кережка, кереж, керес — сани без оглобель, которые применяются для езды на оленях. Сани эти устраивались в виде узкой лодочки или корыта с заостренным носом и на одном, посередине днища, полозе. Даже сегодня попробуйте появиться в деревне на таком странном сооружении, и — точно — позабудут не только имя изобретателя, но и деревню в этот керес переименуют. Ну, а там, Керес или Керас, — кому какая разница!..

Лохма для разгадки оказалась проще всех предыдущих имен. Есть готовое слово — лохма! Слово это южное, запад-

ное, псковское. Лохма — то же самое, что лохмотья, клочья, лоскутье, мохры, космы и т. д. Лохмань — ветхая сермяга; лохонь — холщевый рабочий балахон.

Но может быть и другое толкование.

Лох — род семги, подымающейся с моря для метания икры в верховьях реки. Лоховина — плохая семужина.

Лохму объяснили: А Согру и Сарчему как обойти вниманием? Это деревни Выйского сельсовета Верхнетоемского района.

Согра — болотная равнина с кочкиарником и редким низкорослым ельником.

К Сарчеме отнести можно несколько родственных слов, но прямого действия ни одно не имеет.

Сарана, саранча — это всем известное насекомое, и вряд ли его появление кого-нибудь обрадует.

Ближе к истине «сарма» — речной перекат, порог.

Старчина — вешняя овечья шерсть, которая грубее осенней.

Кому что по вкусу?

Слуда, Ущаж, Язинец и Пигасово, — деревни этого же района.

Слуда — слово вологодское, значений имеет несколько:

1. слюда, слюдяной сланец;
2. слудка — крутой берег реки;
3. слуды — полои, мочажины, заливные луга;
4. слуд, слудь и слуз — наслуз, наледь, выступившая сквозь снег вода и схватившаяся ледяной коркой;
5. слузы — замерзшие лужи.

Язинец может быть производным от названия рыбы «язь».

Яз — плетень поперек реки, залива, с воротцами, в которые вставляются ловушки, верши.

Пигасово от Пегаса отличается только одной буквой. Но мы отлично знаем, что и сегодня не так много грамотеев, которые знакомы с дневне-греческой мифологией. Я уверен, даже среди людей с высшим образованием немало таких, которые в слове «Пегас» сделают две ошибки, особенно из числа тех, кто получил образование заочно.

Таким образом, Пигасово или Пегасово — какая разница! Важно, чтобы имя села вдохновляло на благородные дела всех живущих в нем и даже приезжающих в гости.

Говоря языком древних, «то я имаху, что людям даваху...» ТО ИМАХУ... ТОЙМА... Нет ли здесь нужных нам созвукий?

ВИЛЕГОДСКИЕ ВЫСТАВКИ

В Вилегодском районе три Выставки. А что такое выставка? По современным словарям — это «собрание предметов, выставленных для обозрения». И только всего. А по старопрежнему толкованию — устанешь все перечислять: выставлять напоказ; выставлять себя выскочкой; выставить ногу, то есть вывихнуть; выставушка — кадушка с водой, выставляемая в сени; выставщик — поставщик, подрядчик; выстоялый — потерявший от долгого стояния цвет, вкус, запах; «Коленей не подгибай, да брюха не выставляй, да не отиоси зада», — гласила крестьянская мудрость.

Кто чем выставляется! Вельчане — Ельциновской; виленжане — Горбачихой, а холмогорцы — Телепнихой, — это бывший лидер архангельских большевиков, генсек Архангельского обкома КПСС Телепнев. Недавно я слышал стихотворные прибаутки:

— Сколько рябин, ям и пнев
Нам оставил Телепнев?
— Это только тем видней,
Кто из круга телепней.

Рассказывали мне о Телепневе и других архангельских генсеках много презабавных историй. О Телепневе запомнилась только одна. Приехал он однажды со своими архаровцами в Холмогоры. Ну, и давай показывать и проявлять свою эрудицию и компетентность в сельском хозяйстве. До сих пор непонятно, где это он нагляделся сельского хозяйства, околачиваясь в столице?

Ну, ладно, прихватил он в Холмогорах партийных и советских тузов и покатил проявлять себя в сельском хозяйстве... Было дело весной, на перевале к лету. Едет мимо копачевского поля, а ему холмогорские правители гундосят, что вот де, сев картошки задерживается, погодные условия не позволяют, земля не прогрелась...

— А здесь что, тоже не прогрелась? — грозно спросил лидер, глядя на поле.

— А кто его знает, — засомневались спутники, — может быть и не прогрелась...

— Вот мы сейчас проверим, кого тут надо прогревать!... — с глубоким подтекстом произнес будто бы товарищ секретарь и велел шоферу заворачивать на поле.

Вытащили из багажника шоферскую лопатку и давай копать. Один дурак копает, другой наблюдает, третий придумывает, какую меру наказания изобрести для проштрафившегося спекулянта-симулянта председателя колхоза. Выкопали целый окоп, а до мерзлоты не докопались. Приезжают в контору и давай отчитывать все хором бедного председателя колхоза:

— Ты что, так твою тебя перетак, поле до сих пор не засеял?

А председатель — оправдываться. Откуда ему знать, на каком они поле оборонительную линию строили?! Были же у него поля, не засеянные к тому сроку!

— Да вы хоть расскажите толком, где копали? — взмолился председатель. Ему сказали, и даже показали в окно, — большое поле на возвышенности. Председатель колхоза оглядел их всех, обормотов, внимательно и не знает, смеяться или плакать.

— Это поле на прошлой неделе засеяно и прикатано! — обессиленно произнес он.

Теперь частенько копачевцев спрашивают:

— На этом поле Телепнев-то оканывался?

Жаль, что не в Телепниха это было, а то бы надолго прославилась деревня, и все бы потом говорили: Телепниха — это потому, что здесь Телепнев по указанию ЦК новый способ посадки картошки внедрял, — сразу мешками картошку закапывать.

Ну, а на самом деле Телепниха — это от «телепаться», «телепень», что значит большой двуручный кистень, вроде цепа, ядра на цепи.

Не одними Выставками богата Виледь, — там четыре Починка, восемь Гор, два Наволока, Котлас, Рязань и Никольск! А что обозначает Прислон, Колодино, Пригодино, Кунгур, Подомо? Ну, ладно, Колодино — от «заколодило», Пригодино — от «пригожее, пригодилось». А Нылога, Пысья как? Или — Шихи!

Котлас, Рязань и Никольск, возможно, от подражания.

Прислон — от «прислонять, присланивать», то есть что-то куда-то приставлять, упирая одним концом в землю. Прислонить печку — значит приставить к ней заслонку. По-архангельски прислон есть крутой, гористый берег, уступ, увал, и прислон — куда можно укрыться, где можно найти убежище, приют, приклон.

Пысья — вероятно от «пыскать, пысконить», то есть разрывать, раскидывать, тратить попусту.

Вот как все легко да просто получается!... — заметит скептик. Все-то ему известно и все-то он уразумел. Ладно, с Прислоном разобрался, Пригодину объяснил, а что такое Кунгур, скажи пам на милость? С чем едят Подомо и Шихи?

Но ведь и с Прислоном, и с Кунгуром, и с Шихами не я разобрался, а наш, о, великий, могучий и прекрасный русский язык!

Кунгур — от кунгурской юфти, то есть кунгуры — это то же самое, что и сапоги.

Шихи — от «шихать» или от «шихан». Шихать — шикать, — заставлять молчать; шихан — холм, бугор, макушка горы; шихирь — малорослый человек; шихоботь — сброд, шваль, сволочь.

Подомо будет посложнее разгадать. Здесь может быть сочетание двух слов «под» и «дом»; «под» как предлог, так и «под» в значении «пол», низ, дно, печной под и т. п. Вслушайтесь в такие фразы: «Ни подо мной, ни надо мной никакого нет». «Подомовая опись». Под водоема — устланное, утрамбованное дно. Под в крестьянской избе — это угол с жерновом, кутник, кут, подобие нар, помост против дверей.

Вспомните «Бородино».

...Кто кивер чистил, весь избитый,
Кто штык точил, ворча сердито...

А на Виледи есть станция Кивер. 1150 километров от Москвы, или что-то близко к этому. Неужто были на Виледи мастера по изготовлению киверов? А почему бы и нет. Если не мастер жил в этих местах, то кто-то с кивером воротился с Отечественной войны 1812 года. Да, спасибо за напоминание, тогда железных дорог не было. Но железнодорожная станция наверняка унаследовала имя у деревни, когда-то обосновавшейся на этом месте или поблизости.

В 1812 году Архангельская губерния, по трем рекрутским наборам, поставила дополнительно государю императору для боевых действий против Наполеона Бонапарта свыше трех тысяч человек, многие из которых пали смертью храбрых на поле брани, а часть вернулась домой с ранами на теле и с наградами, разумеется, и с военными доспехами.

Таким образом, имя двинян, номорское слово и дело па всех дорогах России славой помечено, в веках золотыми буквами записано и в наследство внукам и правнукам песенной славой передается.

БЕРЕЗНИКОВСКИЕ КИЦЫ

Кому не знаком этот разбойный клич: «Сарынь на кичку!». Кто смотрел кинофильмы или читал книги о народном восстании под предводительством Степана Разина, тот не застигнут врасплох вопросом. Но не всяк знает не только что такое «сарынь», но и что такое «кичка». Хотя сегодня это в моде: чем непонятнее — тем престижнее; чем безобразнее — тем моднее, — это и относительно современных песен и музыки, и по поводу вкусов или безвкусицы одеваться. То есть правила приличия подверглись полному пренебрежению, а это всегда соответствовало состоянию смутного времени и предзнаменовало критический момент перед народным взрывом и массовыми волнениями. Толпу, считающую мерилом культуры художественную мазню, порнографию, цинизм по отношению к женщине и балахоны из джинсовой дерюги великолепнейшей формой и стилем одежды, можно повести на любой бунт, потому что такой массе все равно кого громить — ей лишь бы громить. Большевики воспользовались в 1917 году идеальным моментом в истории России, и вышли героями из кровавой резни и бойни, в которую ввергли народы империи.

Так что же такое «кичка»?

Кичкара — жидккая ияша, илистое дно берега.

Кичка — то же что кика. А кика — бабий головной убор, род новойника. Кичка — перекладина, укрепляющая расшиву на лубы на носу судна. При нападении разбойников на торговые суда, вероятно, удобно было с этой кички прыгать на подвергающийся нападению корабль. Разбойники собирались по команде на носу судна, у этой кички. Ну, а сарынь, — об этом уже говорилось — толпа мальчишек, шалунов. И сарынь — ватага черного народа; сволочь, чернь. В старину говорили: «Велика сарынь, да положиться не на кого».

Уменьшительное «кички» — кика, кица, кича.

В Виноградовском районе две Кицы — Верхняя и Нижняя.

Слышали ли Березниковские Кицы когда-нибудь разбойный клич — судить не берусь. По Фасмеру слово «сарынь» произошло от древне-русского «сара», что означает «матрос»; сар-матрос! Созвучно с «корсар» — слово итальянское, обозначающее «морской разбойник». Кто у кого позаимствовал: древняя Италия у Древней Руси, или наоборот. Я склонен, чтобы наоборот, потому что свое, русское мне ближе и роднее. Пусть Россия бедная, нищая, обездоленная, время от времени заливаемая кровью в княжеских и политических междуусобицах. Но — это моя Россия!

В 1670 году Степан Разин крикнул «Сарынь, на кичку!», и озлобленные толпы пошли громить своих насильников, душителей свободы, не очень-то выбирая и разбираясь в средствах борьбы, потому что гнев — плохой советчик.

Потом еще звенел этот клич над Россией, после которого начиналась кровавая бойня и казни. Но принесенные жертвы никогда не давали русскому народу облегчения.

В 1917 году «Сарынь, на кичку!» крикнули большевики.

Теперь той же самой оглоблей, только по другому рылу, съездили демократы, под мелодии того же самого клича.

Кто будет поднимать народ против демократов и когда — предсказателей на этот счет пока нет, но если и будут, народу не станет легче. Не политические партии, то бишь, приспешники, сделают народ счастливым, а что-то иное, к чему пока подступов нет. В государстве с высокой культурой политические партии окажутся вовсе не у дел. Культурный и богатый народ сам выбирает себе дорогу, без советов политических авантюристов. А на Руси национальная культура оказалась в полузадущенном состоянии. Стало небезопасно не только требовать возрождения традиций, но сами патротические чувства россиян оцениваются наравне с национализмом.

В Виноградовском районе множество названий деревень в тех же русских традициях, но, конечно же, и не без характерных для этой местности отличий.

Горлишенская, Жерлигинская, Квахтуга, Фалюки, Сельменьга, Корбала, Моржегоры, Устьморж, Уйта, Топса, Паница, Репаново, Шидрово, Шужега, Чамово, Шастка!

Горлишенская и Жерлигинская могут быть именными, но, вполне возможно, имеющими отношение к словам «горло», то есть узкий проход, теснина; и «жерло» — отверстие — вроде провала, раstrauba.

А Квахтюга? Если это не родственное квакухе, то что же? Квакать — квахать; фалюки—халюки; корбала—хорбала... Снова встречаем чередование «к» и «х».

Фаля — простак, простофия, разиня; пошляк, самодовольный невежа; фалалей, повеса. Фаля, фалька — карточный жаргон.

Хайка — от слова «хаять». Халуй, халуйка — слуга, лакей, холоп. Халык — по-татарски есть народ, люд.

В Виноградовском районе Корбала, а в Коношском районе когда-то была деревенька Корбаш. По Далю корба — сырая низменность, болотистый ельник; частый лес, трущоба.

Названия с корнем «морж», несомненно, связаны с обитателем Северного океана моржом.

Уйта находит что-то общее с Уймой. Русское выражение «Уйму даться» — уняться, исправиться. Или говорят: «На него уemu нету», то есть нет управы. И тем не менее, па «уйту» прямых указаний в русских словарях нет. Вполне возможно, что это часть первоначального слова, имени, в сочетании с иноязычным.

Шадра, шадрун, шидроватый — рябой, конопатый человек. Быть может, шадрун, шидрун был основателем поселения, а может быть и сама местность чем-то напоминает шидроватость.

В Виноградовском районе Шужега, в Коношском — Чужга. Шуга — первый осенний лед, вперемешку со снегом.

Чуга — долгий каftан. Чужой, чужбина, чужга, чуж... Все эти слова тоже нельзя отрицать как возможный вариант образования Чужги, Шужеги.

Паница — ненецкая верхняя одежда для женщин.

Репаново — от «репы». Это огородное растение в старину было основным в крестьянском растениеводстве и в хозяйственном обиходе. Были мастера выращивания репы — вот и Репаново.

Топса, возможно, от «топаза». Топаз — Топас, — в просторечии в этом мало кто разбирается, и это звучало аналогично.

Чамово — от «чамовитый» — гордый, спесивый. И чамкать — шамкать, громко жевать, шепелявить, невнятно говорить.

Шастка — шастать, — шататься без дела. Но и шастать — обивать в ступе мякину, очищать зерно. Шаст, шаста — еловый мох, мшина на ельнике, мшарник.

В Виноградовском районе Кургомень, в Холмогорском — Кузомень, в Коношском — Кузьминская, в Котласском — Кузьминка, в Ленском — Кузьмино. Окончания «мень», «минская», «минка», «мино» имеют одно и то же значение, говорят о принадлежности какому-то имени. Может быть, не следовало бы изобретать здесь какие-то сложные сочетания из непонятных иноязычных образований и из первой части фамилии, имени «Кузнецов», «Кузьмин» образовывать угро-финские и еще какие-то «куузи...»?

Заимствовать ведь не грехно.

Растаптывать отеческое подло.

КАРГОПОЛЬСКИЕ РЕДОШКИ

Каргополье — моя отчина, край мечтаний и грез, святое место в воспоминаниях о моем детстве. И было странно, когда в школе, уже в другом районе, учительница географии, вся какая-то не собранная, растрепанная, вечно что-то забывавшая к уроку, вдруг сообщила, что Каргополь — это такое место, где много карканья, где тучи ворон и очень гиблое и непонятное место. Это учительница пыталась что-то объяснить, но у нее ничего вразумительного не получалось, и, небрежно отмахнувшись, она сказала, что этот вопрос не стоит внимания.

Моя мать с особой любовью рассказывала нам о Каргополе, о деревне Лукинской, где мы все родились, за исключением младшей сестры — все шесть братьев и старшая сестра.

Теперь моей деревни Лукинской в перечне каргопольских деревень уже нет. Моя малая родина стерта с лица земли Молохом Социалистической системы, раздавлена катком большевистской диктатуры.

Мать рассказывала, как они, там, в деревне, прямо за полем собирали в редошках красные рыжики. Собирание красных рыжиков — это настоящее искусство: самые молодые рыжечки надо собирать, нащупывая их пальцами босых ног, в листве, под мохом. А редошки — это редкий соснячок.

Теперь мне столь же бережно хочется относиться к родному слову, чтоб — не дай бог! — не повредить, не поранить ни одного. И стараюсь чзо всех сил, насколько мне это удается.

Относительно карканья ворон — это кощунство, наговоры и охаивание истории моего Каргополя. И Каргун Пуоли — тоже досужий бред. Почему-то Заполье, Запольки, Запольская никакого отношения ни к какому Пуоли и Полю (в смысле поль-город) не имеют, а Каргополь словообразовался по принципу Севастополь, Симферополь и еще какой-то там зарубежный—Поль.

Для объяснения имени «Каргополь» вполне достаточно русских слов.

Карга — старуха; карга — ворона; карга, корга — коряевое дерево, коряга; кокора, накурок для кормы судна; корга — берег, пешая дорога по дресвянику берегу; взморье; каменистая береговая россыпь. Карга, корга — каменная, подводная или затопляемая гряда, риф; хрящеватое дно озера.

Для «поля» тоже множество объяснений на исконно русском наречии. Поле — простор за городом, обширная равнина; пашня, нива. Поле — место, занятное войском; место охоты на зверя и многое другое.

В Каргопольском районе две сти шестьдесят четыре населенных пункта, двенадцать сельских Советов.

Территория Каргопольского района 10,11 тыс. кв. км — это чуть больше территории Ливана.

Расстояние от Архангельска до Каргополя 427 км.

Каргополь часто оказывался на задворках истории. Числился он заштатной провинцией, и в годы правления вдохновителя всех наших побед — КПСС.

Рассказывают такой случай. Один из архангельских «генсеков» отправился в Каргополь. Он, наверное, был уверен, что сотню километров от Няндомы до Каргополя преодолеет па «волге» за какой-нибудь час. Но, к его изумлению, на каргопольской дороге оказался не асфальт, а древний булыжник — оружие пролетариата. Разгневанный лидер велел поворачивать оглобли, а вернувшись в Архангельск, лишил должности не то первого секретаря Каргопольского райкома партии, не то еще кого-то. Слетел голубчик только лишь за то, что вовремя не догадался убрать с дороги «оружие пролетариата».

Тот же архангельский партийный лидер жил в Архангельске по-губернаторски. Если ему случалось выходить пешком на Павлиноку, милиция, говорят, останавливалась движение не только автомобилей, но и трамваев.

Но движение истории вдохновителя побЕД остановить не могли. Тут им не хватило ни тюрем, ни пуль, ни наручников. Пришло время возврата не только к старинным русским названиям, но и к старому укладу жизни, особенно на селе.

В Каргополе богатый образностью местный говор. Каждое слово — образец кратости, народной мудрости, меткости, благочестия и деловитости. Впроход, впроходку, впроходь, — это и постоянное движение, и ставшие привычными действия, однообразное поведение человека, напр. «Пьет вино впроходку». Ложь по-каргопольски — вранье, вранина, врак, враница, а лживый человек — вралька, вралеха, вралище, вралья, враляха. А «врано» — тоже, что рано, спозаранку, — «Ушел утром врано». В Плесецком районе есть деревня Враниковская. Вот и разберись, от чего она произошла, от какого слова и значения. Благожелатель скажет, что здесь жили и живут трудолюбивые люди, рано начинавшие, начинающие свой рабочий день, а недоброхот — что здесь когда-то поселились врали.

В Каргополе ягода клюква называется на местном наречии жаровица, жаровиха, жаровика. И есть значение «жаровый», то есть стройный и тонкий высокий лес. В Верхнетоемском районе есть селение Жаровинская, в Архангельске — Жаровиха. Бывала еще в Архангельской губернии деревня Жаровлевская.

Жаровица стала причиной того, что один партийный лидер из Холмогор получил в удельное владение Каргопольский район. Дело было так. Из обкома позвонили или сообщили, что такой-то партийный шиш, назовем его уважительно деятелем, желал бы съездить на клюкву в Холмогорский район, желательно не слишком далеко. Он был очень порядочный деятель, — не пожелал, чтобы ему это ведро клюквы кто-то насобирал и послал в виде приличествующего дара, подачки, взятки. Он пожелал собственными ножками сходить на болото. Холмогорский партийный лидер тотчас же изъявил готовность организовать все в лучшем виде. Для веселья он пригласил второго секретаря райкома. Тот попытался было отнекаться, поскольку только что вернулся из командировки, но Первый был хват, от своих предложений никогда не отступал, и если он кому-то разрешал выступить с инициативой социалистического соревнования в честь очередного съезда родной партии, то после такого доверия «инициатор» выходил либо в князи, либо не вылезал из грязи «всю остатнюю жизнь».

За клюковой поехали Первый, Второй и еще какой-то там Пятый или Десятый из архангельского обкома КПСС. Собирали они клюкву или она уже была собрана, ходили на болото (или болото к ним привнесли) — этих подробностей никто не знает, а только, известное дело, наверняка не обошлось без выпивона. На обратном пути Первый лихо завернул на повороте, заехал на полосу встречного движения и врезался во встречную машину. Сам остался целехонек, Пятый или Десятый — тоже, а Второй — насмерть. Районная милиция попыталась было заняться расследованием, по об этом случае немедля было доложено Первому в обкоме, и тот выслал для расследования свою команду. Эта команда пыталась обвинить, и обвинила бы во всем водителя встречной машины, и не миновать бы тому бедолаге на долгие годы, как говорят, «неба в крупную клетку», то есть тюремного заключения, но холмогорский Первый проявил чудеса порядочности и самопожертвования, приняв вину на себя. Ну, а элита была неподсудной. Холмогорского Первого оставить на прежнем месте не решились, и в той же должности тихо перевели в Каргопольский район. Когда началась перестройка, каргопольские коммунисты этого деятеля — поповского протеже — попросту вымели из райкома и избрали своего человека. В 1990 году я случайно встретился с этим давним моим «приятелем», который люто ненавидел таких, как я, за «самоуправство», в обкомовской столовой. Тогда газета, которую я редактировал, выходила в журнале обкома партии. При виде меня он обрадовался, как если бы мы были закадычными друзьями. Я понял, что дела его идут не блестяще. Оказалось, что он в областном исполнкоме или сельхозуправлении пристроен в качестве какого-то холуя у большого начальника доживать до пенсии. А в обкомовскую столовую таскается обедать, по привычке что ли. Вот вам и каргопольская жаровица. А в Холмогорах она называется просто клюквя. И как только следователи начинали новый виток, чтобы обелить партийного лидера, всякий раз наталкивались на неопровергимый факт, и почесывали затылки:

— А от клюквы-то никуда не уйдешь.

Наверное, в машине остались не только клюковые следы, а и еще какие-то вещественные доказательства...

Моя родная деревня находилась всего в десяти—двенацати километрах от Каргополя. В 1957 году там еще оставалось несколько домов и моя старшая сестра водила ме-

ня туда пешком по каргопольскому тракту. Всю дорогу она рассказывала, какое это было большое и богатое село (или деревня?). На краю деревни мы встретили замурзанную девчонку, которая пасла крохотное стадо коз, не больше десятка. Девчонка держала в руках прутик, лицо немытое, хотя было не похоже, что она была голодна. Но платье грязное, запошеннное. Сестра угостила девчонку, но почему-то называла ее «Мишенокой». Я подумал, что она оговорилась, сказала вместо «Машеньки». Но оказалось, что это на самом деле Мишенька одет по причине крайней бедности в обноски с чужого плеча, — в девчоночье платье.

Лодыгинский сельсовет, куда относилась наша деревня, сохранился. Он, надо понимать, значительно расширился, поскольку в него стала входить и деревня (поселок?) Волошка. В довоенные и послевоенные годы Волошка, — рабочий поселок, — входил в Ряговский сельский Совет, насколько я помню. Рягово в административно-территориальном делении вообще не значится, наверное, также, как и Курья в Холмогорском.

Лодыгио — от «лодыги». Лодыга, лодыжка — сочленение, выступающее по бокам стопы; щиколотка. Ну, почему же деревня названа щиколоткой?! Изумление достойное обсуждаемого предмета, поскольку это не укладывается в правила русской грамматики. Но для крестьянской практичности вовсе не требовалось такого согласия, — селяне давали названия соотносительно с собственной наблюдательностью. Если что-то напоминало лодыгу, лодыжку поfigуральности или другим признакам, то так оно и называлось.

Но могло быть первоначально и не Лодыгио, а Ладыгио. Ладины, к примеру, — договор, уговор о приданом невесты. Ладила — сводчик, сват, посредник при купле-продаже, устроитель мировой, специалист по улаживанию дел. Ладья — большая лодка. Ладейка — байдя. Лажий человек — толковый, бойкий, оборотистый.

Рягово находится в соблазнительном созвучии с Коряжево, Корягово, ряжба, ряженье; ряда — ряга... При написании имени в старые времена не всегда соблюдали правила правописания, которых тогда еще, кстати, и не было. Один путешественник холмогорскую деревню Кехта записал «деревня Кейхоцкая». И вообще писали зачастую так, как произносили. Вот, к примеру, акт мировой сделки, датированный 1592 годом: «Се яз Арханыльского монастыря старец

Лаврентий Рыжего да с своим внуком с Матфеем Ондреевым... помирились есмя с Корельского монастыря слугою с Ефимом Обросовым». Неноцкий посад именуется «Ненохотцкой». Лодьма именовалась Лодомой. Карельская Лахта (Карьелахта) — Керьелахта и т. д.

Если при определении родословной Рягова взять во внимание все эти возможные взаимозаменяемости звуков, то у Рягова обширнейший выбор предков. Корень «ряд» является основой множества производных.

Есть в каргопольских названиях весьма привлекательные и самобытныеозвучия. Опихаловская! Полутинская и Полупоповка!

Опихаловская — от «опехивать, опихивать» зерно, хлеб, отолочь лузгу, мякину.

Ну, а «пихать, пехать» — что-то толкать, отталкиваться, двигать толчком от себя.

Но если есть Полутинская и Полупоповка, значит были и полные — Тинская и Поповка!..

Или Полутинская от слова «полтина, полть»? Полть — это полтуши мяса; полтина — половина рубля. Все это так. А не замешана ли здесь какая-то «тина»?

Полупоповка могла быть на полпути к церкви, к попу.

Шугинская — от «шуги»; от «шугать, шугнуть», — то есть пугнуть кого-то, прогнать, прогонять. Или это именное.

Калитника — очень ласковое название. Здесь тоже может быть большой выбор для толкования. Калитка — дверь в заборе, в ограде. Калита — сума, мешок, кошель, торба. Калитка, калитовка — шаньга с картофельной или другой начинкой. Калитник — юноша, околачивающийся у калиток в ожидании дам своего сердца, зазноб, одним словом, волокитник.

Есть в Каргополье свое Занолье, Заляжье, Загорье, свои Погосты, Горки и Погорелка. Относительно Погорелки припоминается слышанная мной от старого человека байка о каргополах. Я работал тогда в заводе рабочим на узкоколейной дороге. Это был 1953—54 гг. Узнав, что я родом из Каргополья, старый мастер дядя Гриша беззлобно усмехнулся:

— А, жганая оглобля!..

— Где жганая оглобля? — не понял я его усмешки.

— Да вы, каргополы, — жганая оглобля, — и рассказал о том, как в стародавние времена в какой-то каргопольской

деревне был обычай наживать состояние посредством выпаршивания на погорелое. Хозяин запрягал лошаденку похуже, обжигал на огне оглобли и ездил всю зиму по всей губернии, выпрашивая на погорелое, при этом всякий раз напоминая и даже показывая:

— Только вот дровнишки и удалось вытащить из пожара, все остатнее сгорело. Помогите, люди добрые...

Приходилось слышать и более обидные, даже оскорбительное:

— Каргополы — роты полы, пришивные головы.

Но я всегда мужественно вспоминал один мудрый совет: «К сухому да ровному деръма не при克莱ишь». «Коли голова с умом, то неча оглядываться на рот с деръмом».

Бронево! Брониковская! Только на Каргополье такие названия, указывающие на бронников — латников, кольчужников, воинов в броне... Знать, далеко летела слава о каргопольских мастерах по изготовлению боевых доспехов.

Броня — воинский доспех.

Бронь — овсяный колос, вообще колос, свисающий кистями в одну сторону, кистью, метелкой.

Чагово, вероятно, от «чаги» — березового нароста.

Волошка — от волока, волоха, вологи, влаги. Уменьшительное от Волги — Воложка. Волошечка у нас в области я знаю три: в Каргопольском районе, пониже реки Лейбушки, и две в Конощеком районе. В одной Волошке во время войны был построен целлюлозный завод, изготавливали полуфабрикат пороха, после войны — целлюлозу. Завод был построен с большевистским размахом и расчетом на неисчерпаемость природных ресурсов. Недоваренную щепу сотнями тысяч тонн вываливали на территории завода и за поселком, в болото. Когда продували котлы, ошметки целлюлозы летели на головы людей, вплоть до половины поселка.

Своими мыслями я поделился однажды на страницах конощекой районной газеты, с которой сотрудничал около десятка лет, если не больше. К воспоминаниям были приложены и этимологические заметки. Материал газета великодушно опубликовала, а рядом с моим был поставлен другой, какого-то Коин, или Каина, который «умыл» меня на все двести процентов. Одним словом, опубликовали, чтобы произдеваться. До сих пор не вспомню, Коин он или Каин?

А все ж Волошка и Конощека дороги мне воспоминаниями моей юности. Там была и первая любовь, и первая журналистская закалка.

В Каргополе после 1957 года бывать не приходилось. И теперь, вчитываясь, вслушиваясь в каргопольские имена, ловлю себя на мысли, что и там осталась частица меня самого, потому что не мы делаем отчину, а отчина делает нас, а мы лишь что-то привносим от своего бытия, что наша малая родина может либо принять, либо отвергнуть.

В Павловском сельсовете есть деревня Кипрово.

В «Списках населенных мест Российской империи» за 1861 год в Кемском уезде у озера Безименного обозначена деревня Киприянова. Впрочем, фамилия эта является распространенной не только в Каргопольском районе, но и в Лешуконье. Даже если открыть телефонный справочник Архангельска, можно насчитать около десятка Киприяновых.

Где-то я читал или слышал, что купцов Киприяновых, попавших в опалу, выслал на Север Иван Грозный, и они здесь осваивали эти территории. Думается, что территории были освоены иминого раньше.

Фамилия происходит либо от названия острова Кипр, либо от «кипрей» — род растений, обильно произрастающих вокруг вырубок леса и на них, по-иному «иван-чай», медоносное и неприхотливое растение.

Был митрополит всея Руси Киприан (ок. 1336—1406 гг.).

Куприянов Василий Васильевич упоминается в ИСС М. В. Ломоносова как профессор, анатом. Василий же Киприянов был библиотекарем у Петра Великого и позже. Не берусь утверждать, что это одно и то же лицо, но вполне возможно чередование «у» с «и».

Каргопольский список заканчивается деревнями Чирьево и Шишкино. Второе не новость. Но как же осталось не переименованным Чирьево?! Вспомните Пердуново! Запретили Пердунову называться Пердуновым и весь сказ. У большевиков это было — раз плонуть. Как говорят, бог дал, бог и взял; большевики дали народу свободу, они же и забрали ее назад, спохватившись, что мужику можно позволить только одну свободу — безропотно подчиняться. При царе обещали свободу на том свете. Большевики пообещали при коммунизме. Не слишком ли это много — и там и сям быть свободными?

Загадочной надо считать и судьбу деревни Поганино. Это как же она сумела выжить, мозоля своим неделикатным именем товарищев коммунистов в партийных комитетах?!

Попадьино тоже не из прокоммунистических имен, а, сохранилось. Знать, съезжая наступят времена, когда будет возвращаться память не только героям, но и их противоположностям. Народ сам решит, кто на что имеет право и какую заслуживает честь.

ОТ КОНОШИ ДО КОНЯШЕВСКОЙ

От Коноши до Архангельска 427 километров. В районе четыре рабочих поселка и восемь сельсоветов, сто шестьдесят пять населенных пунктов. Территория Коношского района 8,43 тыс. кв. км. Через весь район проходит железная дорога. Вечно гудит эта неугомонная магистраль века. Запомнились полутемные и не всегда помытые вокзалы, шумная, полупьяная к вечеру публика, ослепительный свет ресторанов на больших станциях, — в Коноше, в Няндоме. И ехать-то всего полтора—два часа, а на этом крохотном отрезке пути граница двух районов! Теперь уже и вокзалы не те, и публика иная. А то было, как поезд пассажирский прокрипел тормозами, так его облепляет со всех сторон оборотистая публика, норовившая за две минуты стоянки отхватить полдюжины бутылок пива из ресторана. Спрыгивали с поклажей уже на ходу поезда. Веселая была жизнь. Водки было всюду — хоть залейся. Единственная борьба с ею родимой — скорее найти денег, побольше взять и отвести душу, как бог велел. А там—удалая песня:

Хорошо было ходить, когда поили пьяного!

А, дорогой мой, прокати в деревню Шириханово!

Шириханово, между прочим, тоже разъезд. И поселок. Но все начинается с деревни. Кто мог придумать такое имя? Такого слова в готовом виде не существует. Если соединить два вместе: «широкие» «ханы»? Непонятно. Может быть, присутствует часть слова «ширкать»? Ширкнуть — убежать, улепетнуть. Ширкапцы — женские башмачки. Но есть еще слово «шихан». Татарское. В русский язык, за два с половиной века монголо-татарского ига столько проникло монгольских и татарских слов и они настолько прочно вошли в обиход, что порой трудно разобраться, где русское, а где татарское. Многие татарские слова получили русскую окраску, приспособлены к русскому обороту речи, таким образом, их уже нельзя полностью назвать татарскими или монгольскими.

Шихан — холм, бугор, макушка горы. Шихирь — малорослый человек, коротыш. Это все по словарю Даля. Но этот словарь дает общие сведения о применении и значении слов. Местнисимов он почти не охватывает, а если и говорит о них, то лишь о наиболее распространенных.

Заглянем в словарь Подвысоцкого. На сто девяносто второй странице с полной определенностью сказано: ширихан — оборванец, (ругательное, Пинежское). Как говорят, — а ларчик просто открывался.

Есть очень запоминающиеся имена. Глотиха, например. Круглица, Лухтонга, Раменье, Свидь, Совза, Чужга! А Ширбово! Если бы Чирбово, было бы проще. Чир — есть такая рыба; чирок — птица. Наверное, «ширбово», как и «ширихан», что то значат на местном наречии.

С Глотихой проблем нет. Есть готовое слово: глотиха — черемуха, черемха; гнилое дерево. Но, возможно, что это слово произошло от «глотать»; «глохтун, глохтуша», — обжора, пьяница.

Лухтонга. Лох, лохатка, лоховина — это то же, что вальчаг, разновидность семги.

Раменье. Слово это либо от «рамо, рамена» — что означает плечо, уступ от шеи и часть руки до локтя. (Когда Афанасий, архиепископ Холмогорский и Важеский, встречал Петра I в Холмогорах, Петр поцеловал его в рамена), либо от слов «рамен, ромен», что обозначает обыкновенную аптечную ромашку.

Но ближе всего мезенское раменье — опушка хвойного леса.

Свидь — от «свидый», что означает неспелый, незрелый, зеленый, сырой, кислый, терпкий, оскомистый.

Ну, а Чужга и без объяснения понятна. Было чужое, а когда стало свое, название стало уже не так важно, а важно, что и в названии отразились отголоски своего труда, радения, пота и крови.

В непосредственном «подчинении» поселка Коноши шесть населенных пунктов: Валдиево, Вересово, Заречный, Колфонд, Мирный, Ширихановский. Вересово — от растения вереск, можжевельник. Для Валднева есть два родственных слова — Валдай и валандать — небрежно работать, тянуть время. И валандаться — суетиться, хлопотать, пестовать с чем-то.

Но Колфонд, пожалуй, традиционным путем объяснения не найти. Тут что-то иностранное, — озадачился я однажды, а мне мой знакомый из Кониши:

— Пустое. Иностранциной тут и не пахло. Сюда в тридцатых годах раскулаченных с юга понавезли, что девять некуда. Они самотки вступать в колхозы не хотели, так их тут всех в один Колфонд заенерили. Теперь-то уж от того Колфонда ничего не осталось, а название так вот и закрепилось на всю оставшуюся жизнь.

Невелик Конишинский район, а названий неожиданных, колоритных и запоминающихся, — только успевай записывать.

Поселок Звеничий! Что там звенит такое? Когда звенеть начало, что имя на свет появилось столь даровитое? По каким признакам он зазвенел и от кого эту музыкальность в наследство принял?

А Можуга? Пусть это от слов «межа» или «могу, можно», — какая разница! Все равно красиво и привлекательно.

А Норменьга чем хуже? Сельменьга, Яреньга, — это в других районах. А в Конише — Норменьга.

Тут впору и про норманов вспомнить. Но есть и другие значения. Скажем, «норило» — шест с развилем, которым протаскивают невод подо льдом при подледном лове. Нор — омут, глубокая яма под водой. Норить землю — изрывать ее норами. Нормал — первоначальная стоимость половинки сукна.

Шепчуга — это поселок в Подюжском поселковом Совете. Конечно же, здесь есть что-то от «шептать», производить тихие шипучие звуки. Не иначе, как название это произошло от имени реки, ручья.

В Вохтомском сельсовете — Балуевская, Грехнев Пал, Мелентьев Пал, просто Мелентьевская, Куфтыревская, деревня Фоминская и поселок Фоминский.

Вохтома — отблески моих ярких воспоминаний юности. Прекрасная по живописности местность. Холмы соседствуют с затейливыми речушками, и в этой затейливости отражается название — Куфтыревская! Произнесешь — и ахнешь от удивления, — это может быть только здесь, в водовороте этого неописуемого окружения!

А объясняется очень просто: кухта, куфта — косматый иней на деревьях, кружевина, опока; сверток кудели от пятка до десятка; моток или цевка тесемок; моток щелка, зо-

лота, серебра. Слово одно, а приложений к нему — целый кладезь.

Но ведь и это еще не все. Дай бог, лишь половину осилили.

Есть в районе и Сосновка, и Дубровка, Круглица и Плосково, Гора и Заболото, Избное и Кремлево, Бор и Тундриха, Малое Заволжье и Большое Заволжье, Малышкино и Великое Поле. Есть даже родная сестра архангельской Кузнецких.

Не родственники ли поселок Конюша и деревня Коняшевская? Конюший, конюшенный, коняшка, — все это производные от одного корня. Но если вспомнить о возможном чередовании звуков «к» с «х», «к» с «г», то результат получится иной. Гоношить — купить, беречь, приспать, собирать; что-то делать не спеша, из каких-то остатков, обрезков; гоношить сено — грести, сгребать. Гоноша — скопицем, скупец, кто что-то копит, собирает богатство.

Что престижнее — гоношиться или коняшиться?

Наверное, то и другое хорошо и славно, если душа лежит к отчemu дому, к родимому краю и земле, согретой теплом своих рук.

ПРО КОТЛАС И ПРО КОТЛЯНУ

Слово «котел» звучит одинаково на украинском, белорусском, польском, чешском, словацком, словенском и старославянском. Однаково или почти одинаково. Кто у кого и что именно позаимствовал?

Готового слова «Котлас» в словарях нет. Если разбирать на части, то получится «кот» и («лаз») («лас»). Но в слове «котлас» явно прослеживается «котел». Что такое «котел», всем нам хорошо известно. От «котла» произошла «котляна», то есть артель, хлебающая из одного котла. Такие артели были распространенным явлением на тюленьих и моржевых промыслах в Ледовитом океане.

В Котласе я был только проездом и то в пятидесятых годах. Но очень уж привлекательны его многие названия: услышишь однажды, будешь вспоминать и повторять при всяком удобном случае.

Прежде всего, что такое Котласский район? Площадь 5,5 тыс. кв. км. Расстояние от Котласа до Архангельска 812

км. Городов районного подчинения в районе всего один, рабочих поселков пять, сельсоветов девять, населенных пунктов в сельской местности триста десять. Котлас, прежде всего, узловая железнодорожная станция и пристань на реке Северная Двина при впадении в нее реки Вычегда.

Если начинать с оригинальных названий, то как обойдешь вниманием Сакушево, Улыбино, Яидовище, Молодых, Реваж? А Ерга! Есть поселок Задовая. Почему-то не Задовый, а именно Задовая?! Ну, а что такое Мотьма? Спроси, и увидишь, до каких пределов могут расширяться человеческие очи. Но ведь нисколько не хуже Кальтино, Кочепьга, Уртомаж! А Залупья откуда? Есть Лупья и ЗА-Лупья!

Залупья — от «залупывать».

Залупливать или залуплять, залупать, залупить, — задирать кожу, заворачивать ее. Например, залупить бересту; залупить полы (халата, кафтана). Ну, а если залупить во все лопатки, то это может обозначать только одно — пуститься бежать во всю прыть, что есть силы, почем зря. По смыслу разговорной речи может быть залупливаинье, залупанье, залупленье. Залуп, залупа, залуника по словарю Даля обозначают действие по значению глагола. Может быть залуп на коже, на сапожном товаре. Говорили в старину: заяц пошел в залуп, на залуп, залупил, то есть побежал прямо. Залупной — к залупе, к залупке относящийся. Залупина — задранное место, порча товара. Залупчивый — склонный к залупке. Залупщик — кто залупает что-то, задирает. Залупыш — залупившийся, например, залупившийся орех, орех-залупыш.

Вот сколько неожиданных разгадок может иметь одно, в общем-то ничем не приметное имя.

Ну, а если по порядку, то что такое-эдакое обозначает имя Сакушево? Сак есть снасть для лова рыбы в реке, в озере. Но есть и другое, подходящее для разгадки слово — «сакша», что обозначает будку, шалаш, балаган, кущу. Сакшит по-астрахански — молодой камыш. Ну, а разве не самая народная, северная песня «Шумел камыш, деревья гнулись...»!..

Улыбино, несомненно, от слова «улыбаться».

Яидовище — это в Приводинском поселковом совете. Ни за что не додуматься, если принимать слово в современной транскрипции, что это такое? Но ведь слова изменились по мере их употребления, «снашивались». Явидь, например, ар-

хангельское слово, обозначает змею, которая водится в тундрах.

Молодых — понятно. А что такое Реваж? Почти реванш! Это слово могло образоваться от «рвать», от «рвина»—ровканава, яма, овраг; «ревень» — лекарственное растение и «ревень» — колодец. А «ревка» еще ближе — хвойный бор, сосняк, тоже ельник. А чем не подходит для такого случая «реветь»? Реветь может и волк, и река, и человек, и водопад. И слова были такие — ревун, ревуша, рева, ревуха...

Ерга, Мотьма... Ерга может быть объяснима без особых на то затруднений. Есть слово «ерга», восточно-сибирское, русское значит, вятское, и обозначает оборванца, лохмотника. Ерга — непоседа, елоза. Ергать — ерзать, ежиться, корчиться.

Ергак — тулуp, или халат из жеребячьих, козульих, сурочьих шкур. Слово оренбургское.

Ерка — общее название породы ивы. Отсюда «ерник, ярник».

Мотьма — если не от «мотать», то от чего же еще?! Множество вариаций этого слова: мотка, мотища, мотала, мотяга, мотник, мотья, мотыль, метляк, метелок... И значения самые разные. Церковное слово «мотыло» — помет, навоз, кал. Мотыркнуть — боднуть, ударить...

Но если вспомнить имя «Тотьма», слово «пойма», то рассуждения могут быть другими. А числительное «троима»!.. Однажды я фотографировал в одной из холмогорских школ, — в Селецкой средней. Пришли девчонки и спрашивают:

— Где наши фотографии; мы снимались троима?

Есть ли в этих словосочетаниях взаимная связь?

Ах, как непривычно трогательны и щепетильны обращения с русским словом!

Мотьма... Реваж... А Уртомаж!.. В Ленском районе есть Урдома. А здесь Уртомаж да еще и Большой! А рядом с ним Малый Уртомаж. Будь окончание на «маш», можно было бы успокоиться на каком-то Уртовском машиностроении. Но ведь «МАЖ»!

Урема — поречье по-оренбургски, пойменный лес, кустарник по берегу речушки; поросшая лесом низменность вдоль русла реки. Быть может, здесь что-то связано с «юртой». Могли же в насмешку назвать какое-то нелепое строение на татарский манер!

Урома — груда, ворох, куча, толпа, непривычно много чего-то... Такие возгласы: «У него денег урома! Народу урома».

Уротить — обязать присягой (уротой, ротой).

Согра, Гагарка, Голышкино — милые русские названия. О Согре мы уже говорили — это есть тайга, болотистая равнина, поросшая ельником, кочкарником, вереском.

Гагарка и Голышкино говорят сами за себя, хотя для Голышкина не обязательно быть голым, нагим. Голомша — голый ячмень; голый — бедный, неимущий, нуждающийся; и нагольный — чистый, без каких-либо привношений, примесей. Голышевый — относящийся к голышу, камню, кремню. Голышник — крупный галечник.

А что означает Канза Новая и Канза Старая? В Холмогорском районе есть Канзово, а в Онежском Канзапельда!

«Камз» можно сочетать с «хамз», а хамза — рыбка на крымском наречии. Но это мало подходит к северному наречию.

Камас, камусина, камус — шкура с оленых ног, из которой шьют пимы, а также рукавицы, называемые «камусы», «камысницы».

Могло «Канза» первоначально быть и «Кандой». А кантовый лес — красный, высокорослый. Конда — боровая сосна, крепкая, мелкослойная и смолистая, растущая на сухом месте.

Что могут означать Петровские средние, Петровские отставные и просто Петровские? Не может же деревня уходить в отставку, как отслуживший солдат!.. У слова «отставной» множество значений, одно из них — отставленный в сторону. Говорят: отставная изба, то есть стоящая особняком, в сторонке. То же самое и отставная деревня.

Фаустово! Неужто здесь деревенский Фауст проживал?! А может быть, это связано с каким-то устьем? С устьем — это может быть, но с Фаустом — навряд ли. Фаут — худший сорт бревен, которые кладут в низ плота.

Деревня Бердяиха! Не про эту ли Бердяиху так много сказано. Бердыш — широкий топор, иногда с заостренным обухом. Бердо — принадлежность ткацкого станка, род гребня ткацкого стана.

Так просто объясняется Бердяиха?! Здравствуйте, пожалуйста!..

Всё, оказывается, можно разгадать, разобрать, объяснить. А как быть с Шобьей? Было бы Жабья, Жобья, Жонья... А то—Шобья!?

Но, оказывается, и здесь никаких премудростей нет. Шобоны — тряпье, обноски, ветошь. Шобонница — шлюха. Шобойник, шобопник, шебольник — промышляющий сбором тряпья. Шебала, шабала, шобон, шебел, шоболы — дрянная одежда. Шеболья — лесная избушка.

Очень звучные названия Кислячиха, Семиндяиха, Рысья! Ну, а Березников в Архангельской области целых девятнадцати! Заболтье, Заберезье, Залупья, Заосечная, Заостровье, Заовражье, Заухтомье, Зажегино!... Сколько сопределенных чём-то деревень! И все звучит самобытно, наособицу.

Кузнецих в Архангельской области, если хорошенъко посчитать, то наберется полдюжины, а все ж котласская Кузнециха не в пример другим — она своя, ни с чем не сравнимая.

Тем и прекрасна родная земля, что в ней все, вроде бы, привычное, похожее на соседское, и все ж родное, особенное, до глубины волнующее душу русского человека.

НЯНДОМСКИЕ ИКСЫ

Нянда.., Пянда, Мянда... Пянда в Виноградовском районе, Мяпдию — в Приморском. Слова родственного корня, одного и того же звучания. Мянда — болотный сосновый лес, редколесная, несмолистая и дрябловатая сосна. Слово помечено, как архангельское, олонецкое и корельское. Панда, пянда — узор на малице, — слово мезенское, и конечно же, ненецкое. Но узор также растительный, отражающий настроения от воздействия природы. Вероятно, «нянда», «пянда» и «мянда» — это русские вариации одного и того же слова? Хотя, я где-то читал угрофинское толкование «Няндомы», в котором опять же звучит мрачное настроение и производится указание на «медвежий угол», «глухомань» и т. п. Но все зависит, с какого языка «переводить» и — с какими настроениями. И. И. Лепехин в 1771 г. в своих «Дневных записках» привел недлинный перечень слов, употребляющихся в местных говорах пермяков. Так вот, там «нян» — это хлеб. Выходит, Няндома — это хлебная страна, в значении «сторона», край, регион.

Очень похоже, что в словообразованиях «мянда» и «нянда» происходит естественное чередование звуков «м» и «н»,

так же, как в «Колмогоры» — «Холмогоры» «к» и «х».

В названиях этой местности встречаются очень самобытные сочетания звуков. Лепша, Ивакша, Лельма, Тарза! Погона, Бурачиха! С окончанием на «ха» целый ряд, еще Брянчиха, Вахрамеиха, Грудиха, Кувшиниха, Кулемиха, Лупачиха, Петариха, Тухачиха. При желании, сколько здесь можно насочинять иноязычных корней! А ведь слова все до единого исконно русские, славянские. В каргопольском наречии «погонало» обозначает несбранного, плохо организованного человека, подвергающегося постоянным насмешкам. У В. Даля погонало — огородное пугало. Погошать — тревожить, беспокоить, смущать, волновать, пугать. Погох — тревога, набат.

Похожая па это родословная и у «Бурачихи». В самом слове слышатся кровные связи со словами «бурый», «бурак», «буря», «бурун», «бура», «бурав», «бурга» — артель тюленщиков.

Бурачиха — первая станция после Няндомы. Относительно людей, попадающих под определение «погонало», я слышал на Волошке беззлобный юмор:

— Съездил на Погоху через Бурачиху!..

То есть попросту человек заблудился, — проехал Погоху, а потом из Бурачихи возвращался назад.

Рассказывали, что на этом участке железной дороги — Няндома—Кеноша — в послевоенные годы путешествовал оригинальный козел. Он запрыгивал на площадки товарных вагонов и ехал до нужной станции, навещал там своих покровителей, подкреплялся и ехал дальше или возвращался назад, в зависимости от того, какое у него было настроение, хороша ли кормежка. Но Родину за кормежку не меняют. Россиянин должен оставаться россиянином, русским по духу, сколь бы скуден ни был паек на его отчине. Можно к любому слову подобрать иностранную отмычку, а можно и просто сказать: Брянко — от «брашина», что означает пищу, еду; Ивакша — от «Ивана», «ивы»; Лепша — «лепота», «липа», «лепень» — лоскут, обрывок; мокрый снег, слякоть; платок и т. д.

Есть прекрасная возможность отыскать аналогии Тарзы и Тарзана. Но если глянуть по-русски, то Тарза могла быть первоначально Тарсой, Тарасой, а «тарасы» — укрепленный сваями берег, укрепления снаружи крепости и тарасы — рубленные быки под мостом, устои.

Грудиха, Кувшиниха, Лупачиха и тому подобные словообразования не вызывают сомнений в определении их именами. Но не все просто с такими топонимами, как Охтома, Конда, Кырчема, Орьма, Суегра, Икса. Иксы даже две — Новая Икса и просто Икса. Не меньше загадок таится и в Шожме — железнодорожной станции, деревне, озере. Конечно же, имя поселению перешло от имени реки, или озера а они назывались так с незапамятных времен, и здесь невозможно определить, какие племена и народности, чья культура больше всего повлияла на формирование этого имени. Можно только предполагать, опираясь на остатки древнерусских словообразований. Например, «шижголь, шижга», — сброд, шушваль; «shima» — верхушка, маковка чего-либо; «шолга»—жердь, шест.

Шожма — родина северного поэта Дмитрия Ушакова. В 1965 году Дмитрий Алексеевич был принят в Союз писателей, с 1966 по 1973 гг. руководил Архангельской писательской организацией, а в 1974 году уехал на московские хлеба, был заведующим отделом и членом редколлегии журнала «Наш современник», а затем контрольным редактором издательства «Современник».

Но в общем-то Шожме повезло больше многих других поселений и деревень, — на ее земле родился и возмужал московско-архангельский поэт! Шожма воспета во многих стихотворениях Ушакова.

С приятным удивлением я узнал, что в Мошинской стороне есть деревня Кипровская. Не осмеливаюсь каким-либо образом связывать это имя со своей фамилией. Мне до Ушакова далеко. Его фамилией названы три поселения в Архангельской области, — Ушаковская в Вельском районе, Ушаковская в Ленском районе и Ушаковская в Шенкурском районе.

Ну, а по поводу индомских Икс (иксов) можно предложить вниманию только одно подходящее по звучанию слово — «икос» — протяжная песнь в каноне, в церковном богослужении, что мало вероятно и неубедительно для толкования Иксы.

Жизнь такова, что не все «иксы» поддаются разгадке. К тому же, надо оставить воздуха и своим оппонентам, — они наверняка уже перевели «Иксу» с иноязычного.

Пущай им, переводят.

Только однажды, в архивных материалах встретился мне перечень плотников, подряжавшихся на разные строительные работы в городе Архангельском в разные годы. Под 1619 годом упоминается «андомец Федор Ондреев»... Были колмогорцы, онежане, ухтостровцы, конецдворцы, чухчерьемцы... А тут—андомец! Так не с Андомы ли начиналась Няндома? А ежели так, то какие же тут переводы с иноязычного?! Словосочетание «Ан, дома» до сих пор в широчайшем употреблении.

ОНЕЖСКИЕ ТАБОРЫ

Сразу же следует оговориться, что онежские Таборы к цыганским таборам никакого отношения не имеют.

У слова «табор» несколько, существенно отличающихся друг от друга значений. Табором называли гуситы гору и стан у этой горы, в котором они расположились. Турецкий табор — стан, становище, бивак (бивак), обоз на стоянке, шатры бродячего народа, привал переселенцев, кочующее селение. Табором называли стаю птиц, зверей, стадо, табун, сборище. Таборы, таборище — городище, место с остатками древних укреплений. Табориться — то же что табуниться. Деревня Таборы находится в девяти километрах от центра сельсовета деревни Посад, а деревня Посад — в десяти километрах от центра района города Онеги.

Территория Онежского района 24,73 тыс. кв. км. Расстояние от Онеги до Архангельска 263 километра. В районе три рабочих поселка: Кодино, Малошуйка, Мудьюга; десять сельсоветов, девяносто один населенный пункт в сельской местности.

Близость Онежского района к Карельской республике, прямое соседство двух народов — русских и карел отразилось на множестве названий нерусского происхождения: Фехтальма, Кутованга, Хаяла, Пакепельда, Воугуда... Нименьгу, как и Ерманьгу в Карпогольском районе, Сельменьгу и многие другие с корнем «мень» можно бы тоже отнести к иноязычным образованиям, но уж очень распространено в русском языке слово «мень», «мен». Мендач, к примеру,— мендовый лес, мелкий, кривой, рыхлый. Мень — рыба-калека, налим. Олонецкое выражение «мень» есть пляска с песнями. К тому же корень «мень» в слове «меньшой»!

Поселок Кодино образовался в 1941 году, но, вероятно, имя это не было новоизобретенным, а перешло в наследство от существовавшего здесь поселения.

О родственной «Кодино» Койдокурье уже был разговор: созвучие слов «кайде-тайдо» с «кодино» неоспоримо. Есть и другие родственные слова: кодаш, кадаш, кадыш — бочар; кодман — суконный женский шушун; кодола — вериги, железные путы. Кодола же по-олонецки — шест, жердь, веревка у колодца. Кодола по-архангельски — ужище, канат, толстая веревка, па которой, к примеру, таскают копны, невод. Онежское слово «кодола» — веревка, на которой выпускают лошадь на подножный корм.

Вонгуда, Кянда... Сравните: Вологда, а в Няндомском районе Конда. Кянда — Конда, — не иначе, как одно и тоже имя, произнесенное на разных местных наречиях.

В Хачельском сельсовете Ваймозеро, а в Холмогорском районе Ваймуга, в Приморском — Вайново, в Пинежском районе — Ваймуша. Родственное слово «ваймовать» — понимать, ранее уже упоминалось. Но есть «вайга» — проход для судов, глубь, стрежень, русло, фарватер; вайда — верша, морда; вайлуга — урочище, часть глухого леса в шалге; ваймица — крепление для весла в уключине. Вайник — женский головной убор и так далее и тому подобное. Что-то русское есть и в звонком сочетании Кутованга. Кут — зауголок, закоулок; угол крестьянской избы, прилавок, бабий угол. Ванда — род большой верши, морды для ловли рыбы; вандыш — семейство рыб, корюшка, снеток. В Коношском районе есть железнодорожная станция и поселок Вандыш, к тому же есть два Вандыша в Ленском районе. Слово «вандыш» имеет объяснение еще и на поморском наречии; вандыши по-архангельски — глаза, буркалы, вытараски. Ругательное: — Вылупил вандыши-те свои бесстыжие!..

Вот и получается, что с научной точки зрения слово иноzemное, а стоит порассуждать по-русски, и дело принимает совсем иной оборот. Вандыш для меня всегда ассоциировался с «ландышем». Через этот Вандыш я проехал тысячу раз, и всегда он был для меня загадкой: что это такое значит? А был у нас на Волошке лихой парень и отчаянный выпивоха, не то Юрка, не то Лешка, — запамятовал. Доберется этот парняга до выпивки и орет на весь поселок:

— Наберемся от души,
Заберемся в камыши...
На хрена нам эти Вандыши!..

Но одному все «до лампочки», а другому — необходимо для души. Этого, другого, выпивоном не прельстишь, — ему душевность подавай. А как же без отчего-то слова? Какая же тут душевность, коли не только одежда на себе привозная, из порубежья, не только жратва заграницная, но и слов родных нету. Да ведь так-то, люди добрые, до оторопи недалеко, до крайнего отчаяния. С бутылкой в обнимку в любой стороне весело, — эти за границу от отчего края не побегут, им, во-первых, и здесь ладно, а во-вторых, некуда. А умные головы от этой одичалости и безудержного святотатства тысячами ударились в бега. Цвет русской нации уезжает за границу. Вот к чему ведут эти бездумные преклонения перед чужим и оханвание своего родного.

Есть в Онежском районе село Пурнема. А в Архангельске — Пур-Наволок. Пур-Нема; Пур-Наволок, — чем не двойни!

Поселок Упежма тоже напрашивается на угро-финское толкование. Но после первой буквы так и просвечивает начало русского слова «нежность». Да разве мало в русском языке других слов с этим же корнем! Нежарь — прошлогодняя трава на корню; нежилое, нежданное, нежалимое... Нежить — сварливый человек — это из шенкурского говора. В Холмогорах, Пинеге и Мезени нежитью называют домовых, лешиев и прочих духов.

А все ж, что за чудные имена в Поонежье! Пияла, Филява, Хачела, Чешьюга, Мондино, Сырья... Что ни имя, то и шедевр; что ни деревня, то и открытие добротной русской старины.

ГДЕ ЧУДЬ БЫЛА

(Приморский район)

Территория Приморского района 22,67 тыс. кв. км. Населенных пунктов в сельской местности 203. Центр Приморского района — город Архангельск. А потому достопримечательностей в Приморском районе больше, чем где-либо. Малые Корелы — в Приморском, Талаги — в Приморском, Уйма — там же! Если в Холмогорском районе всего одна Бутырка (Бутырки), то в Приморском — Бутырки и Бутырская. Есть Малые и Большие Корелы, Верхнее и Нижнее Рыбалово, Большое Бурдуково и Малое Бурдуково, Большое Тойнокурье и Малое Тойнокурье, просто Тойватово и Большое Тойнокурье.

шое Тойватово, Средние Валдушки, Нижние Валдушки и Верхние Валдушки, Верхняя Золотица и Нижняя Золотица, Новое Стражково и Старое Стражково, Лахта и Залахотье, Первая Гора и Средняя Гора, Красная Гора и Горка.

С чего начать обсуждение приморских имен, названий населенных пунктов? Можно с Уймы, а можно с Талаг. Уйма она и есть Уйма, то есть много, слишком много. В Виноградовском районе есть Уйта, а «уй», «вуй» — это дядя по матери. Слово старославянское. Уец, уйчич, вуец — сын дяди, материна брата. Уйка — жена уя, тетка по свойству, по матери. Уймат — унимать. Уйм — действие в значении унять, уйма — огромное пространство и великое множество чего-то, прорва. Кроме того, «уйта» разъясняется в словаре Даля как чистое моховое и безлесое болото.

Талаги. Тал — кустарниковая ива, верба. Если говорят, о таловой стороне, то это означает луговой низменный берег.

Таль — залог, заложник, аманат.

Талы — глаза, буркала, пучки (пучеглазый).

Рассказывают, что один путник полюбопытствовал:

— Что за деревня?

— Бабанево!

Путник выпучил глаза, и до конца Поморья шел пучеглазым. Да ведь и как же иначе?! Ежели вас станут донимать такими названиями, как вы будете выглядеть. Еще одна байка, в форме анекдота. Одного нерусского студента спросили, что из себя представляет крокодил. Студент помялся и ответил:

— Это такой животный, который имеет зеленый цвет, откладывает в пссск яйца и говорит «Ух!»

Русский профессор полюбопытствовал:

— Но при чем же здесь «ух»?!

— Попробуй ты положи свои яйца на раскаленный песок!.. — обиженно засопел носом студент. — Что ты тогда скажешь?

В Приморском районе есть деревня Пески, и есть Яреньга. А ярый — огненный, пылкий, крепкий, сильный, жестокий, расплавленный и плавкий.

Как все-таки понимать Бабанево? Бабо-Онегово или Бабье-Негово? Прежде всего, что означает первая часть, и что вторая? Баба — замужняя женщина низшего сословия; неуклюжая, плотная, большая женщина. Бабы — созвездие

плеяды, как объясняет словарь Даля. Но баба еще и то, чем забивают сваи. Не проще ли не мудрствовать лукаво, а прийти к заключению, что Бабаново — это Бабаново на Онеге! А Бабаново — именное.

Дряхлицино. Здесь иноязычным не пахнет, — все русское. Есть же Палицино, Телицино, даже есть просто Личка. Почему же загадкой должно быть Дряхлицино? Старая, дряхлая деревня. Только с одним уточнением, что кроме ветхости это слово в старину обозначало: дряхлость — уныние, подавленность; дряхлоблешь — неприглядный, мрачный. Вот и выяснили: Дряхлицино — это деревня с удручающим видом. Невеселая деревня. Так ли это на самом деле? Хорошо бы этим обозначениям кануть в Лету.

Трепузово — это не Трехгорье. А Тройная Гора в Приморском районе есть, — это по соседству с Ухтостровом, там, где Рембуво. Трепузово — в Уемском поселковом Совете. Но «пузо» — это не только живот, брюхо. Пуз — хлебная мера; пузина — сеть на куропаток.

Валдушки. Если пытаться отыскать в словарях слово целиком, поиски вряд ли увенчиваются успехом. Хотя на местных наречиях все возможно. Но если взять во внимание слово «вал» как оборонительное сооружение, то с уменьшительным суффиксом слово может приближено к требуемой транскрипции: вал, валы, валушки...

Деревня Лахта повторяется в Ластольском сельсовете и в Лисестровском. Словарь Даля говорит, что это слово финское, означает небольшой морской залив.

Чубола и Чубола-Наволок. Это Княжеостровский сельсовет. Еще этнограф П. С. Ефименко высказался по этому поводу: «Чубола — где чудь была».

Бакарица. Бакай — речной проток, проран в плавне, в камышах. Бакари — обувь из шкуры, снятой с оленьих ног. Бахоры — берестяные лапти, босовики, берестяники.

Косково. Название может быть именное. А может и иначе. Допустим возможность такого варианта. В старое время пастих, нанимавшийся на пастьбу, принимал на себя ответственность в сохранности животных. Если медведь задирал корову, пастих обязан был представить кости съеденного животного. Если он костей не представлял, с него удерживалась стоимость коровы частично или полностью, по решению мирового судьи или старосты общины. Если много было за-

дранных животных, значит много и костей. А много костей — деревня Костьково, трансформированная в Коцково. Это один вариант. Название может, могло произойти от слова «коса» в значении кошка, длинная песчаная отмель. Большая коса — коса; маленькая коса — коска.

В Пертоминском сельсовете есть деревня Луда. Луда — слово многозначимое, — от «лудить», покрывать «полудой»; тоинко напесенный слой нейтрализующего металла; лудь, луда — ослепительный блеск; лудик, лудяк — серая, иловатая почва; лудила — драчун, забияка; лудушка или лудка, лудышка — пойменный островок, подводные камни.

В черте города Архангельска есть остров Хабарка, а в Часовенном сельсовете есть деревня Хаврогоры. Деревня с аналогичным названием есть и в Холмогорском районе. О Хаврогорах уже говорилось, по сдается, что Хабарка и Хаврогоры суть одного рода, семейства дети. Хабарка — лесистый остров; хабара — пожива, барыш; хабар — гостинец, угощенье, попойка, а по-вологодски — это счастье, удача, лафа; хабарничать — хапать, брать взятки. В старицу «хабара» могло произноситься и как «хавара». Если это приемлемо, то Хаврогоры — это в прошлом Хабаркины Горы.

Ижма — деревня того же сельсовета Приморского района. Немудреное название, а что же в нем слышится? Было в старославянской азбуке название девятой буквы «И» — ИЖЕ. Представим разговорную речь тех времен: — Иже мы... Кроме того, иж — род морды из сети или из прутьев, орудия лова рыбы. Ижеденный — ежедневный, обиходный, будничный, насущный.

Деревня Шихириха в Приморском сельсовете. Шихирь — малорослый человек, коротыш; шихан — холм, бугор, макушка горы.

Рикасиха. Тоже Приморский сельсовет. Начальная часть слова могла быть не «рика», а «рига» — молотильный сарай с овином, крытый ток с сушилом; ригач — место под ригой, овием и током. В Лисестровском сельсовете есть и деревня Ригач.

Деревня Кадь Петракеевского сельсовета говорит сама за себя. Слово «кадь» объясняется как чан, посудина в обруча, мера объема в четыре четверика, то есть четыре пуда. А все Поморье — истый кладезь культуры Подвилья.

ЗАВОЛОЦКАЯ ЧУДЬ

Разговоры о заволоцкой чуди, о «чуди белоглазой», вообще о чуди, как о каком-то едином племени, подобны досужим рассуждениям о предмете, существование которого никаким и ничем не доказано. Это то же самое, что сказания о былинных витязях и богатырях—Илье Муромце, Соловьеве Разбойнике и тому подобное. Они могли быть, а могли и не быть. По русских витязей художник облек в реально ощущимую форму, и такими их теперь все представляют. А о племени «чудь» нет даже и таких данных, хотя, впрочем, нарисовать было бы совсем нетрудно.

Скажем, кого проще нарисовать: черта или петуха? Петуха все видели, чего тут сложного?! Рисуй, как видишь — и все тут. Но в том-то и сложность, что петуха все видели, и все будут сравнивать рисунок с оригиналом. А черта никто не видел, сравнивать нарисованное будет не с чем, — каким черта нарисуешь, таков он и есть!

Вот и «чудь» рисуют уже несколько веков самыми разными красками на страницах печатных изданий. Есть общее определение: чудь — название эстов и родственных им племен, живших во владениях Великого Новгорода и упоминаемых в летописях. Есть чудские городища, чудские копи и даже Чудское озеро, а чудина нет ни одного. И, тем не менее, это не является поводом закрытия темы.

Серьезное внимание изучению чудского вопроса уделил местный краевед и этнограф, ссылочный студент П. С. Ефименко. За участие в «тайных обществах» он был выслан в 1860 году сначала в Пермскую, а затем в Архангельскую губернию, жил в Холмогорах и в Архангельске до 1870 года. Петр Савич изложил свои десятилетние наблюдения в нескольких изданиях. Он утверждал, что особенно много чудских городищ и крепостей в Шенкурском уезде.

Быт и культура чудского племени представляет собою весьма занимательную картину, конечно же, если судить обо всем по рассказам и байкам местных жителей того времени. А народ в этих краях гостеприимный, словоохотливый, расскажут заезжему слушателю все, — и что было, и чего не было. Увидят на местности странный бугор, — тотчас же возникает предположение:

— Да тут, быват, чудь жила. Эвон, глины сколь! Вот я и говорю, что печи тутотки бывали чудские.

Увидят конусообразное углубление, — другое определение:

— Эвон где чудь провалилась!

С одной стороны, чудь представляла собой очень мирное племя, она даже в рукопашную не вступала при встрече с завоевателями. При виде вооруженных людей чудины стремглав бежали в свои хижины-землянки, собирались в кучу и быстро-быстро подрубали подпорки земляного потолка, который обрушивался им на головы и заживо погребал.

Это точно соответствует рецепту уничтожения мух, выданному однажды «Кабачком двенадцать стульев» в телепередаче.

— Изобретен новый способ борьбы с насекомыми! — доложил директору кабачка изобретательный помощник.

— Докладывайте, что за способ.

— Надо мух загнать всех под шкаф и быстро-быстро отпилить ножки: шкаф упадет и мухи будут уничтожены все разом!

С другой стороны, чудь была весьма воинственной, поскольку там и сям находили чудские городки и даже крепости. Даже точные адреса указывались: Заостровский приход Шенкурского уезда. Городок стоял на высоком угоре, на берегу реки Нюмы. Такой же городок обнаружен был в Благовещенском приходе — это по течению реки Устьи, впадающей в реку Вагу. Там чудь соорудила вал вокруг сопки, а в некоторых местах остались ямы, сходные с современными картофельными погребами.

Более того, в деревне Михалевской была девица, которую выдали замуж за крестьянина Черепанова. Эта девица была необыкновенного роста, обладала большой физической силой. Ну, а поскольку у местных невест, то есть среди невест славянского происхождения, ничего подобного никогда не наблюдалось, то какой же из этого следует вывод? А вывод получился таков: девица чудского происхождения! Вот если бы ей в партнеры найти такого же могутного чудина, тогда возможным было бы возрождение чудского рода, а от крестьянина Черепанова пошло самое обыкновенное русское наследство.

Первые поселенцы Пуйского прихода, расположенного по берегам реки Пуй, приток реки Ваги, как утверждают местные предания, были чудские племена. Это «неоспоримо» доказано наличием кладбищ на берегах Пуя, где хоронились

умершие чудины. Доказывать, что эти кладбища чудские, не было необходимости, поскольку никто из крестьян христианского вероисповедания на эти захоронения не престеновал.

Еще один «неоспоримый» факт. Кем-то из очевидцев была засвидетельствована «гористая местность», называемая «Паново». Тут, по соображениям местных знатоков, будто бы когда-то жили чудские племена. Из чего это следует? А из того, что деревня называется Паново, а панов в христианских общинах не бывало. Значит, были паны среди чуди. Тут, брат, хочешь — верь, хочешь — не верь; хочешь — стой, хочешь — падай. И деревня такая есть в «Списках населенных мест» Архангельской губернии за 1861 г. Деревня Пановская, находилась при Северной Двине, в Холмогорском уезде, в семидесяти верстах от уездного центра, деревня однодворка, число жителей пятнадцать душ женского и мужского пола. Та это деревня или другая? Но Пановских в этом списке больше нет. Зато названий, начинающихся на «Чу», больше двух десятков.

В Емецком сельсовете Холмогорского района есть деревня Бросачиха. Петр Савич Ефименко понтересовался:

— Отчего название такое деревне дано?

— Неспроста, мил человек, неспроста, — отвечал один местный доброход. — В старопрежние-то времена пришли сюда новгородцы с боем на чудь и на лопь. Чудины бежали от них на высокую гору за озером да и начали там обороняться. А чем безоружному себя защитить? Вот они, родимые, и бросали в напирающих новгородцев, чем придется. Так и отстояли себя.

По другим версиям деревню штурмовали бродячие шайки польско-литовского воинства из числа разбежавшихся изменников Лжедмитрия, и было это не в глубокой древности, а в 1614 году, о чем говорится и в «Двинской летописи». Повсюду шли тревожные разговоры, в столице Беломорья Холмогорах:

— В Важской-то уезд набежали многие воры, польские и литовские люди, и черкесы, и русские изменники, из-под Москвы и из иных многих русских городов. На Ваге многих жителей мучат и побивают, и животы их грабят...

—...И никому ни проходу, ни проезду из города и в город не дают. В Двинской уезд в Емецкой стан те воры въехали, и многих крестьян побивают и грабят.

— И уж на Холмогоры собираются явиться безвестно и животы наши пограбить.

— Того ради их воровского безвестного приходу воеводы приказали двинянам в нижней половине острог наспех строить.

Двинской воевода Петр Иванович Пронский послал своего товарища Моисея Федоровича Глебова с войском к Архангельску, а в Емецк велел поспешать сотнику Дмитрию Чертовскому вместе со своей сотней стрельцов. «Воров» вроде бы нахлынуло несколько тысяч. Ох, и задал же им первцу лихой сотник со своими стрельцами! Каждый стрелец дрался за десятерых, а то и за всю сотню. Поглядели предводители польско-литовско-черкесских бродяг, покачали головами и решили:

— С этими безумцами, панове, лучше не связываться. Опп ж, олухи царя небесного, станут драться всерьез и до последнего, а нам недосуг с ними валандаться. Поворачивай оглобли!

— Ура! — Завопила сотня Дмитрия Чертовского и разрядила ружья в небо, салютуя в честь побежденного врага. Воинство стало швырять на радостях все, что ни попадалось под руки, производя побольше шума.

Аркадий Грандилевский в словаре «Областной крестьянский говор» записал: «Бросачиха — деревня в 5 верстах к западу от села Емецка, растянутая на краю глубокого оврага. В 1613 году, в декабре, в этот овраг был загнан сотником Дмитрием отряд вооруженных поляков, занимавшихся грабежом, и крестьяне помогли побить врагов, бросая на них сверху тяжести; от этого и деревня получила свое название».

С одной стороны, «ура!» кричала чудь, с другой, спустя несколько веков, «ура!» кричали двиняне, то бишь осевшие на двинской земле новгородцы. И ничего невозможno отвергать, потому что встречных аргументов, для опровержений, попросту нет.

А заволоцкая чудь, так или иначе, очень любопытная и весьма загадочная часть истории нашего с вами края обетованного — Подвииья, Беломорского Севера.

Каким бы ни было Отечество, в него лучше верить, даже в чем-то сомневаясь. Сомнения ведут к поискам истины. Вера каждого человека делает человеком своей Отчизны.

СОЛОМБАЛА

В детстве для меня Соломбала была сказкой, которая всегда рядом и в которую невозможно попасть. Маймакса — это было чем-то загадочным и замысловатым, которое хочется услышать еще, но трудно понять. А Соломбала — это тихий туман на солнной реке, негромкий скрип уключин, свир истение просыпающихся птиц в прибрежных кущах и ожидание щедрого на солнечное тепло утра. Было что-то и еще в детских мечтаниях... И все пришло как-то сразу, неожданно и негаданно, будто приснился чудный сон, и в моей мечте навечно появилась Соломбала.

Тогда, в сороковые и пятидесятые годы, с очень симпатичными рисунками выходили книжки журнала «Роман-газета». Я еще не умел читать, но по рисункам угадывал содержание журнала, и предавался мечтаниям. Чтение пришло как-то в одно время с появлением книги «Детство в СоломбALE». Даже сегодня я не могу сказать, что случилось раньше: умение читать книги или сама КНИГА «Детство в СоломбALE». Первые впечатления о нашем Севере, мир его образов пришли ко мне вместе с этой книжкой, подаренной миру чудесным волшебником слова Евгением Коковиным.

Только через сорок лет одарила меня судьба встречей с Соломбалой, которая была описана в книге. Я вошел в свою мечту с тем же восторгом и откровением, с той же детской радостью и мальчишеским упоением, и был нескованно рад, что воображаемое мной так точно совпало с тем, что есть на самом деле в моей сказочной СоломбALE. Я прошел пешком по затейливым улицам старой Соломбалы, по всему Кемскому городку и дальше, где было основано Адмиралтейство и где сегодня трудится во славу Отчизны знаменитая на всю страну Красная Кузница.

Столь звучное имя нельзя придумать. Его невозможно составить нарочно из каких-то самых красивых слов, русских или зарубежных. Оно должно было родиться само, по велению свыше, провидением Архангела или самого Господа Бога. Соломбала — это малиновый звон, это зов Михаила Архангела, это молитвенный всплеск души и величайшее творение СЛОВА.

Каждому дорог мир, собой сотворенный, в своих мечтаниях, в любви, в труде. Кому-то правится русская Соломба-

ла с финским родословием. Что ж, «солемба» — это родство с ближайшим соседом по зарубежью, и это заслуживает приветствия. Но мне видится другая Соломбала, во всем русская — по имени, по духу и по форме. Много русских слов, достойных прародительства даже и кроме «соломы», которой кому-то угодно было застилать полы во время балов. У царя-реформатора и царя-чудака все было возможно, и никакие невероятности нельзя отрицать в его поведении.

Есть русское, беломорское выражение — СОЛОМЯ, что означает шар, проран, пролив, проток. И есть старинное слово «СОЛ» — посол, посланник, посланец. «Усретоша бо мя слы от братья моея» — это русская речь времен Владимира Мономаха. «Сольба» — посольство. «Хотим сельбою цареви вашему». «Сольбное» — содержание чужих послов. «И тогда возмут послы сольбное свое, а гости месячинное свое», — гласит летопись.

Ежели триста лет назад именно здесь, на месте старой Соломбалы, усмотрено было строить корабли, если четыреста лет назад именно здесь решено было основать град Архангельский, то почему бы не быть именно так и пятьсот и шестьсот лет назад и ранее того задолго, — что только здесь могли причаливать заморские корабли, что только здесь почетно для обеих сторон было встречать заморских гостей, что только здесь заявлять о начале русской земли и русской государственности!..

Владимир Мономах был великим князем, но и задолго до него, в первом тысячелетии, шла оживленная торговля через Белое море со всем Западом. И именно здесь побывавшие послы царевы могли затем долго вспоминать: «В городе Архангельском солами были!» Ну а если слы, послы то есть жили на острове, то как же и поселение называть как не соломбала!

Все прекрасно в старой Соломбale, — и улицы, и дома, и багровые гроздья рябин по всем улицам и переулкам. Едва только забрезжила возможность пожить в этом районе, я ухватился за нее, как ребенок за ярко-розовый шар, готовый взмыть в небо. В тот же день я примчался в Кемский городок, чтобы глянуть на место, которое станет моим пристанищем.

На крыльце дома № 8 по улице Корпусной сидели мужики и вели неторопливую свою беседу.

— А хорошо ли здесь у вас, товарищи мужики?.. — начал было я разговор, как пожилой, представительный мужчина тотчас же откликнулся благожелательно:

— У нас хорошо! У нас тихо.

И все рассказал, где магазин, где троллейбусная, а где трамвайная остановки, и как к чему пройти кратчайшим путем. Я спросил, как зовут собеседника.

— Я-то? Я Кичев, меня тут все знают. Владимир Егорович звать-то. У нас тут все в доме семейные. У нас тихо, — приятельским тоном заверил он снова, видно, угадав, что тишина и удаленность от шумных улиц — главное достояние из всех благ для его собеседника.

А потом моя старая знакомая по журналистике Зоя Васильевна Майсения сделала для меня открытие:

— Ты знаешь, что такое соломбалец?

— Нет, не знал я, что такое соломбалец, какими он обладает особенностями; такие же, как все, обычные русские люди!

— Э, не-ет! — погрозила пальчиком Зоя Васильевна, заговорщически улыбаясь, и полушепотом добавил: — Соломбалец — это одессит в валенках.

Чудесное сравнение. Одесситы — гордый народ. А чем хуже соломбальцы? Только тем, что не могут круглый год ходить в штиблетах? Чепуха. Соломбалец может еще пспорить с одесситом.

В первые же дни моего проживания в СоломбALE я познакомился еще с одним соломбальцем, — директором музея завода «Красная Кузница» Александром Николаевичем Макаровым. Он сделал для меня очередное открытие:

— А знаете ли вы, как называли в старину Соломбалу?

— вдохновенно спросил Александр Николаевич. — А, вот уже и забываться стало. А Соломбалу называли не иначе, как КОРАБЕЛЬНАЯ СТОРОНА!

Александр Николаевич гостеприимно повел меня в заводской музей, показывая и рассказывая обо всем, что могло заинтересовать.

— Как вы думаете, почему Петр I именно здесь заложил судостроительную верфь? Место удобное? Именно так, по это не единственная причина. А прежде всего потому, что здесь, в Соломбальской стороне, задолго до этого были крестьянские верфи. Народ здесь жил мастеровой, предприимчивый; каждый соломбалец — от рождения моряк,

В прекрасном здании, в читальном зале Соломбальской районной библиотеки я увидел макет Соломбальской стороны со старым названием улиц: Шотландская, Повракульская, Соловецкий пр., Базарная, Гренландская, Саженная, Корабельная, Адмиралтейская, Английская, Морская.

В 1993 году исполняется триста лет после того, как Петр I впервые посетил город Архангельск. Конечно же, праздновать следует не юбилей визита самодержца, а надобно отметить дату, и событие, благодаря которому начались столь разительные изменения в Архангельске и в самой матушке России. Здесь, в Архангельске, началось становление России как великой морской державы.

В 1693 году на соломбальском острове была заложена кораблестроительная верфь. Началось строительство жилых и служебных помещений. Появились первые улицы, часто называвшиеся по имени первого поселенца. Именно с тех пор сохранилось название — улица Размысова, как утверждают местные краеведы. Центром Соломбалы стал величественный морской собор Преображенский. От этого величия и красоты теперь осталась только сторожка.

У собора начинался Никольский проспект (ныне ул. Левачева). На этом проспекте гомонили торговые ряды и лавки предпримчивых архангельских купцов. В СоломбALE был построен литейный цех. В кемском городке (поселке) до наших дней сохранилось название улицы тех времен — Литейная.

Ах, что за живописнейшую картину представлял собой Архангельский морской порт того времени! На рейде лес корабельных мачт, а вдоль всего берега торговые ряды и палатки богатейшей архангельской ярмарки. Какого только товару не предлагали оборотистые купчишки. Продавцы старались привлечь покупателя, всучить ему товар раньше, чем это сделает конкурент.

— Соль самолучшая, две гривны пуд! Поспешай, народ честной!

— Ячмень самой доброй, два алтына четверть!

— Сальцо свиное, четыре гривны пуд. Налетай, пока дешево! Товару вдосталь хорошего!

— Золотые и серебряные галуны — пришивай хошь к мундиру, хошь на штаны!

— Гусь жареный — совсём задарма, по гривне штука. Курицу в обмен на три копейки. Кто прел, кто корел, — всяк к обеду поспел!

Царь, увлеченный морской романтикой, был молод, — ему 30 мая 1693 года исполнился 21 год. А в Архангельск он прибыл 29—30 июля того же года.

Теперь уж совсем не та Соломбала, какую увидел впервые государь. Нет, не в смысле населения и расположения построек сказано это, а в отношении расположения островов и протоков. Для строительства верфи Петр I выбрал Средний Соломбальский остров, который располагался между Соломбалкой и Курьей. Попробуй-ка определить сегодняшним днем, где находился этот Средний остров? Ведь и Соломбалки-то изначальной уже давным-давно нет, — засыпали ее песком при строительстве верфи. Несла она свои воды там, где теперь гомонят улицы Пахтусова и Закемовского. А реку Курью стали называть Соломбалкой.

Есть в СоломбALE Банный переулок. В книжке «Имена Архангельских улиц» сказано: «Происхождение названия связано с островом Банным». Ладно, согласны. А остров Банный откуда и как имя свое приобрел? Глянул я в словарь Даля, а там сызнова про баню. Нет, думаю, как-то уж очень не благородно имя улицы от бани производить. Поискать другого значения. Банить — чистить, мыть, драить. Банева, баневка — озеркало, ямина, бакалдина, куда обычно стекает вода из бани... Что за безысходность такая?! Может, в угро-финском что-нибудь пригожее сыскать? А местные жители, соломбальцы то есть, говорят:

— А чего тут искать! Банный — он и есть Банный! Переулок назван по острову, а остров — по бани. Баня была на этом острове, весь рабочий люд съезжался туда мыться. Как же такой остров назвать, ежели не Банным!..

А за соломбальские улицы не только у меня душа болит. Улица Валявкина или Соловецкий проспект? Гуляева или Саженная? Кедрова или Прусская? Прокашева или Церковная? Левачева или Никольский проспект? Маяковского или Английская?

Нет, я не против большевиков, борцов за советскую власть. Были и среди них порядочные люди. Но сдается мне, что уже хватит играть в «белых» и в «красных». Пора остановиться на русских. Пришло время крепко задуматься об

истории русского государства. Только на исторической правде зиждется могущество любого государственного устройства. Но могущество государства Российского если не всегда зарождалось здесь, в Архангельске, то всегда подкреплялось достойным вкладом северян в могущество России. А поэтому нам, северянам, грешно кривить душой.

СОЛОМБАЛЬСКОЕ СЕЛЕНИЕ

Серьезный труд посвятил Соломбale архангельский историк С. Огородников. В «Трудах Архангельского статистического комитета за 1865 год», книга 2, С. Ф. Огородников сообщал: «Попытки объяснить историческое происхождение названия Соломбалы существуют до сего времени в двух видах: в предании и этимологии. Но известно, что предания о «соломенном бале» и о «солон-бале» грешат именно словом «бал», как совершенно неуместным словом, ибо в добное, старое время, наши современные балы назывались, как известно, ассамблеями и куртагами, стало быть, предания, напирающие особенно на слово «бал», лишены всякой достоверности, и не могут, при самом поверхностном взгляде, быть приняты во внимание».

Далее Степан Федорович склоняется к мысли, что, поскольку, по-русски слово не объясняется, то следует его перевodить с финского. Это оправдывается тем, что в глубокой древности финны населяли этот обширный край. А финское слово «солемба» переводится на русский, как болотистое, низменное, грязное место. «...Этимология остановилась перед сей находкой, верно характеризующей местность Соломбалы, и, отбросив предания, заключила, что Соломбала произошла от финского слова «солемба», и удовлетворилась пока на сем объяснении». (стр. 16, «Труды Арх. Ст. ком. за 1865 г.»).

Как видим, автор не настаивает на финской родословной «Соломбалы», но и не выдвигает своих версий, поскольку это устраивало многих и совпадало с толкованием в буквальном смысле слова.

По этому поводу мне припомнился рассказ одного моего знакомого журналиста:

— Однажды на автобусной остановке в Архангельске меня спросил незнакомый казах: «Что такое «Соломбала»? Это,

говорю ему, поселок, район города. А он: «А ты знаешь, что такое «Салам-бала» по-казахски?» Нет, говорю, не знаю. Он: «Салам-бала» по-казахски — «здравствуйте, ребята!».

Почему бы и отчего бы, дорогие товарищи архангелогородцы и соломбальцы в особенности, не склониться нам перед столь заманчивой трактовкой! К тому же и народ Казахского государства нам ближе и роднее, чем финны. И слово «Соломбала» всегда звучало бы приветствием! На въезде в Соломбальский район — «ЗДРАВСТВУЙТЕ, РЕБЯТА!». На всех автобусах, проходящих через Соломбалу — «ЗДАВСТВУЙТЕ, РЕБЯТА!». На домах, на улицах, на вывесках учреждений, на тамваях, на морских судах, бороздящих воды мирового океана, — всюду — «ЗДРАВСТВУЙТЕ, РЕБЯТА!». Одно слово роднило бы нас всех, жителей планеты Земля больше всех лозунгов тоталитарной системы вместе взятых за все семьдесят три года правления большевизма, больше, чем тысяча проповедей и нравоучений. Давайте помнить, что СОЛОМБАЛА — это ЗДРАВСТВУЙТЕ, РЕБЯТА! И нам никогда не потребуются советы кота Леопольда. Мы будем жить дружно, как никто на свете и планете. Мы уже живем и дышим ароматом миротворчества! И для этого всего-то потребовалось уговорить себя перевести русское слово с иноязычного...

Это каламбур, дорогие читатели, пища для зубоскальства некоторых наших репортеров, добывающих дешевое газетное чтиво ради утоления наставнического зуда, и в стремлении порисоваться перед доверчивой публикой.

А если серьезно, то в старой Соломбала было множество достойных внимания имен.

В 1785 году в Соломбала насчитывалось 750 обывательских домов; к 1810 году количество домов возросло до 786, а к 1827 году — до 829 домов. Население в 1742 году превышало 20 тыс. человек. Сколько в то время было в Соломбала улиц, сведений нет, но уже тогда упоминаются две линии домов вдоль реки Курьи, адмиралтейская слобода, казенные офицерские дома и многое другое.

Протяженность Соломбальского селения в середине восемнадцатого столетия составляла около четырех верст. Между двумя церквями — соборной и кладбищенской — сами по себе выстроились ряды домов в правильную улицу. С. Огородников называет эту улицу проспектом, но имени его не открывает.

По правую сторону проспекта в 1776 году «образовалась Вакселева слобода». Что за имя такое? От «ваксы» оно происходило, или от «векселя»? Не будь конкретных указаний на происхождение улицы, могли бы возникнуть довольно пространные домыслы. А на самом деле все было так. На этом месте первым обосновал свое хозяйство, свой двор, свой дом главный командир кораблестроительного ведомства Ваксель. С его сиятельныйного позволения стали селиться рядом другие соломбальцы. Вот и образовалась Вакселева слобода — из первого десятка-полутора дворов.

По левую сторону проспекта образовалась Секретарская улица, и название ее пошло от секретаря портовой конторы Пастухова, первого поселенца. Почему бы, скажем, не назвать улицу улицей Пастухова? Аи, нет. Видать, его и по фамилии-то мало кто знал, а все больше знали, как важного начальника — СЕКРЕТАРЯ!

Была улица Наличная. Какими обстоятельствами такое название продиктовано? Если заглянуть в современный и весьма популярный словарь Ожегова, то наличный — это «имеющийся в наличии». Наличные суммы денег, наличный расчет, наличные деньги, — вот и все значения этого слова. В академическом словаре к «наличным деньгам» добавлено «наличное население» — и разговору конец. А в старых словарях этому слову придавались и другие значения. Наличный — значит лицевой, передний; наличник — человек, присутствующий лично, находящийся лицом; наличка — оконный ставень; налична — деталь плавильной печи; наличень — сетка на лице пчеловода. Улица Наличная стала Наличной потому, что находилась спереди, с краю от реки Двины.

Имена улицам давали не только важные чиновники. Улица Маслухина была названа именем плотника Маслухина! Он первым построил на этой улице свой двор.

Штабская слобода — потому что здесь выстроились три корпуса штаба коменданта Лаврентия Вакселя.

Никольская — по имени Никольской церкви.

Соколова — по имени подмастерья Соколова.

Построили свои дома первыми на пустыре мастера Хапов и Захаваев, — улица стала называться их именами.

Улица Бардукова — по имени подмастерья Бардукова.

Улица Розмыслова — по имени кузнеца Розмыслова, первым построившего свой дом в этом порядке в 1760 году.

Таким образом, в старые «закрепощенные» времена в этом отношении демократии было больше, чем при современной демократии. Не требовалось соизволения ни райкома, ни обкома, ни других всеядных и всевластвующих структур. Как пришлось народу по душе — так и осталось.

И только нищета, голь перекатная, селившаяся без всякого порядка, не привлекала к себе никакого внимания и не увековечивала свои имена, где бы и когда бы она ни селилась.

По характеру своему соломбальцы — народ мастеровой, В середине девятнадцатого столетия всех «художников» в Архангельской губернии насчитывалось до 4374 человек, из них только в Соломбальском селении проживало 2849 человек! Хлебников и булочников — мастеров и рабочих — насчитывалось более полутора десятка человек, мясников — одиннадцать, четыре прянишника, пятьдесят четыре портных, пятьдесят девять сапожников, пятьдесят три башмачника, сто сорок одна швея, шестьдесят один плотник, тридцать бочаров и бондарей, двадцать шесть извозчиков, восемь музыкантов... Было что выпить, чем закусить, что на себя надеть и куда поехать!..

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Закончена первая часть задуманного большого труда — сборника топонимических рассказов и зарисовок. Спешу уведомить читателя, что предложенные его вниманию материалы не претендуют на бесспорность суждений и, тем более, на какие-то научные воззрения по поводу поднимаемой и рассматриваемой темы. Я не историк и даже не краевед. Я писатель (хотя и не член Союза писателей). Все отеческое волнует меня с той же силой, как и любого другого гражданина, — иногда в большей, иногда в меньшей степени, чем кого-то другого. Все предложенное в этой книге вниманию читателей родилось не сразу и не вдруг. Этой темой я занимаюсь не менее десятка лет. Первые топонимические заметки были опубликованы в холмогорской районной газете, наверное, еще в шестидесятых-семидесятых годах.

Писатель имеет право собственного видения предмета, наверное, точно так же, как и любой другой смертный. И если мои взгляды и суждения не совпадут с чьими-то другими, пусть этот другой попробует создать свою систему видения этой темы. Я буду рад, что встретил родственную душу, — что я не одинок, что рядом живут и здравствуют умные головы и горячие сердца, готовые послужить прославлению отчего края.

Чернить и лаяться мы все уже давно устали за эти семь десятилетий проклятого тоталитарного режима. Давайте посмотрим вокруг себя влюбленными глазами. Давайте искать не врагов, а единомышленников.

Ну, а в моих дальнейших планах — представить читателю топонимические очерки и зарисовки о названиях рек и озер нашей области.

С нижайшим почтением, милостивые государи и государыни нашего Отечества, дражайшие СЕВЕРЯНЕ, всегда ваш Владимир Киприянов.